

Николай Дерягин

где зреют апельсины

НАШИ ЕДУТ ПО ЕВРОПАМ

Наши едут по Европам

Николай Лейкин

Где зреют апельсины.

**Юмористическое описание
путешествия супругов Николая
Ивановича и Глафиры Семеновны
Ивановых по Ривьере и Италии**

«Центрполиграф»

1897

УДК 882
ББК 84(2)

Лейкин Н. А.

Где зреют апельсины. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Ривьере и Италии / Н. А. Лейкин — «Центрполиграф», 1897 — (Наши едут по Европам)

ISBN 978-5-227-07651-9

Глафира Семеновна и Николай Иванович Ивановы – уже бывалые путешественники. Не без приключений посетив парижскую выставку, они потянулись в Италию: на папу римскую посмотреть и на огнедышащую гору Везувий подняться (еще не зная, что по дороге их подстерегает казино в Монте-Карло!). На сей раз компанию им составил купец-фруктовщик Иван Кондратьевич, который вообще не понимает, что он за границей делает и где находится в данный момент. Но как всякий русский человек, если что и решит, то выпьет обязательно. Путешественники с приключениями пересаживаются с поезда на поезд; едят не то, что хотят (боятся, что им подсунут лягушку или черепаху); зевая, осматривают окрестности и постоянно попадают в уморительно смешные ситуации из-за незнания языка и нежелания понимать нравы и обычаи Европы.

УДК 882
ББК 84(2)

ISBN 978-5-227-07651-9

© Лейкин Н. А., 1897
© Центрполиграф, 1897

Содержание

Апельсины и бороды	5
Хочу домой!	8
А далеко ли до Италии?	11
Ницца	13
Какой такой пансион?	17
Ресторан на воде	20
Знакомство с бакенбардистом	23
Цветочная драка	26
Водкопитие	29
Восьмой выиграл	32
Железная дорога	35
Ставка на Пошехонский уезд	38
Не набережная, а – тьфу!	41
Кошон, пети кошон	44
Ницца без городских	47
Tchi, kacha, koulibiaka et ikra russe	49
А еще аристократический город!	52
Бильярд с коньяком	55
Мошенники и грабители	58
Вот тебе букетец!	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Александрович Лейкин

Где зреют апельсины. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Ривьере и Италии

Апельсины и бороды

Было около одиннадцати часов вечера. В Марселе, в ожидании ниццкого поезда, отправляющегося в полночь, сидели на станции в буфете трое русских: петербургский купец Николай Иванович Иванов, средних лет мужчина, плотный и с округлившимся брюшком, его супруга Глафира Семеновна, молодая полная женщина, и их спутник, тоже петербургский купец Иван Кондратьевич Конурин. Путешественники были одеты по последней парижской моде, даже бороды у мужчин были подстрижены на французский манер, но русская купеческая складка так и сквозила у них во всем. Сидели они за столиком с остатками ужина и не убранной еще посудой и попивали красное вино. Около них на полу лежал их ручной багаж, между которым выделялся сверток в ремнях с большой подушкой в красной кумачовой наволочке. Мужчины не были веселы, хотя перед ними и стояли три опорожненные бутылки из-под красного вина и наполовину отпитый графинчик коньяку. Они были слишком утомлены длинным переездом из Парижа в Марсель и разговаривали, позевывая. Позевывала и их дама. Она очищала от кожи апельсин и говорила:

– Как только приедем в Италию – сейчас же куплю себе где-нибудь во фруктовом саду большую ветку с апельсинами, запакую ее в корзинку и повезу в Петербург всем на показ, чтоб знали, что мы в апельсинном государстве были.

– Да апельсины-то нешто в Италии растут? – спросил Иван Кондратьевич, прихлебнул из стакана красного вина и отдулся.

– А то как же... – усмехнулся Николай Иванович. – Сам фруктощик, фруктовую и колониальную лавку в Петербурге имеешь, а где апельсины растут, не знаешь. Ах ты, деревня!

– Да откуда ж нам знать-то? Ведь мы апельсины для своей лавки покупаем ящиками у немца Карла Богданыча. Я думал, что апельсины так в Апельсинии и растут.

– Так ведь Апельсиния-то в Италии и есть. Тут губерния какая-то есть Апельсинская или Апельсинский уезд, что ли, – сказал Николай Иванович.

– Ври, ври больше! – воскликнула Глафира Семеновна. – Никакой даже и губернии Апельсинской нет и никакого Апельсинского уезда не бывало. Апельсины только в Италии растут.

– Позвольте, Глафира Семеновна... А как же мы иерусалимские-то апельсины продаем? – возразил Иван Кондратьевич.

– Ну, это какие-нибудь жидовские, от иерусалимских дворян.

– Напротив, самые лучшие считаются.

– Ну, уж этого я не знаю, а только главным образом апельсины в Италии, и называется Италия – страна апельсинов.

– Вот, вот... Апельсиния стало быть и есть, Апельсинский уезд, – подхватил Николай Иванович.

– Что ты со мной споришь! Никакой Апельсинии нет, решительно никакой. Я географию учила в пансионе и знаю, что нет.

– Ну, тебе и книги в руки. Ведь нам, в сущности, все равно. Я хоть в коммерческом училище тоже два года проучился, и географию мы учили, но до южных стран не дошел, и отец взял меня оттуда к нашему торговому делу приучаться.

– Ну, вот видишь. А сам споришь.

Водворилась легкая пауза. Иван Кондратьевич Конурин аппетитно зевнул.

– Что-то теперь моя жена делает? Поди, тоже похлебала щец и уж спать ложится, – сказал он.

– Что такое? Спать ложится? – усмехнулась Глафира Семеновна. – Совсем даже, можно сказать, напротив.

– То есть как это напротив? Что ж ей дома одной- то об эту пору делать? Уложила ребят спать, да и сама на боковую, – отвечал Конурин.

– А вы думаете, в Петербурге теперь какая пора?

– Как какая пора? Да знамо дело, ночь, двенадцатый час ночи.

– В том-то и дело, что совсем напротив. Ведь мы теперь на юге. А когда на юге бывает ночь, в Петербурге день, стало быть, не может ваша жена теперь и спать ложиться.

Конурин открыл даже рот от удивления.

– Да что вы, матушка Глафира Семеновна... – проговорил он.

– Верно, верно... Не спорь с ней... Это так... – подхватил Николай Иванович. – Она знает... Их учили в пансионе. Да я и сам про это в газетах читал. Ежели теперича мы на юге, то все наоборот в Петербурге, потому Петербург на севере.

– Вот так штука! – дивился Конурин. – А я и не знал, что такая механика выходит. Ну, заграница! Так который же теперь, по-вашему, Глафира Семеновна, час в Петербурге?

Глафира Семеновна задумалась.

– Час? Наверное не знаю, потому это надо в календаре справиться, но думаю, что так час третий дня, – сказала она наобум.

– Третий час дня... Тс... Скажи на милость... – покачал головой Конурин. – Ну, коли третий час дня, то, значит, жена пообедала и чайничать собирается. Она после обеда всегда чай пьет в три часа дня. Грехи! – вздохнул он. – Скажи на милость, куда мы заехали! Даже и время-то наоборот – вот в какие державы заехали. То есть скажи мне месяц тому назад: Иван Кондратьич, ты будешь по немецкой и французской землям кататься – ни в жизнь бы не поверил, даже плюнул бы.

– А мы так вот во второй раз по заграницам шляемся, – сказал Николай Иванович. – В первый раз поехали на Парижскую выставку и было боязно, никаких заграничных порядков не зная, ну а во второй- то раз, сам видишь, путаемся, но все-таки свободно едем. Слова дома кое-какие подучили, опять же и разговорные книжки при нас есть, а в первый раз мы ехали по загранице, так я только хмельные слова знал, а она комнатные, а железнодорожных-то или что насчет путешествия – ни в зуб. Глаша! Помнишь, как мы в первый раз, едучи в Берлин, совсем в другое место попали и пришлось обратно ехать да еще штраф заплатить?

– Еще бы не помнить! Да ведь и нынче, из Берлина едучи в Кельн, чуть-чуть в Гамбург не попали. А все ты... Потому никаких ты слов не знаешь, а берешься с немцами и французами разговаривать.

– Ну нет, нынче-то я уж подучился. Суди сама, как же бы я мог один, без тебя, вот только с Иваном Кондратьичем ходить по Парижу, пальто и шляпу себе и ему купить, пиджак, брюки и жилет, галстуки и даже в парикмахерскую зайти, постричься и бороды нам на французский манер постричь! И везде меня свободно понимали.

– Хорошо свободное понимание, коли из Ивана Кондратьича Наполеона сделали, вместо того чтобы самым обыкновенным манером подстричь бороду.

– А уж это ошибка... Тут ничего не поделаешь. Я говорю французу: «Эн пе, но только а ля франсэ по- французистее». А он глух, что ли, был этот самый парикмахер – цап, цап ножницами да и обкарнал ему наголо обе щеки. А ведь этот сидит перед зеркалом и молчит. Хоть бы он слово одно, что, мол, стой, мусье.

– Какое молчу! – воскликнул Конурин. – Я даже за ножницы руками ухватился, так что он мне вон палец порезал ножницами, но ничего поделать было невозможно, потому, бороду мою большую увидавши, расвирипел он очень, что ли, или уж так рвение, да в один момент и обкарнал. Гляжусь в зеркало – нет русского человека, а вместо него француз. Да, брат, ужасно жалко бороду. Забыть не могу! – вздохнул он.

– Наполеон! Совсем Наполеон! – захохотала Глафира Семеновна.

– Уж хоть вы-то не смейтесь, Глафира Семеновна, а то, верите, подчас хоть заплакать, вот до чего обидно, – сказал Конурин. – А все ты, Николай Иванович. Век тебе не прощу этого. Ты меня затащил в парикмахерскую: «Неприлична твоя борода лопатой для заграницы». А чем она была неприлична? Борода как борода... Да была вовсе и не лопатой...

– Ну что тут! Брось! Стоит ли о бороде разговаривать! Во имя французо-русского единства можно и с наполеоновской бородой походить, – заявил Николай Иванович.

– Единство... Наполеоновская... Да она и не наполеоновская, а козлиная.

– Кто патриот своего отечества и французскую дружбу чувствует, тот и на козлиную не будет жаловаться.

– Тебе хорошо говорить, коли ты здесь с женой, а ведь у меня жена-то в Питере. Как я ей покажусь в эдаком козлином виде, когда домой явлюсь? Она может не поверить, что меня по ошибке остригли. Скажет: «Загулял, а мамзели тебя на смех в пьяном виде и обкарнали». Чего ты смеешься? Дело заглазное. Ей все может в голову прийти. Она дама сумнительная.

– Не бойся, отрастет твоя борода к тому времени. По Италии поедem, так живо отрастет. В Италии, говорят, волос скорее травы растет, – продолжал смеяться Николай Иванович.

В это время показался железнодорожный сторож и зазвонил в колокольчик, объявляя, что поезд готов и можно садиться в вагоны. Все засуетились и начали хватать свой ручной багаж.

– Гарсон! Пене! Комбьян с нас? – кричал Николай Иванович слугу, приготовляясь платить за съеденное и выпитое.

Хочу домой!

– Toulon, Cannes, Nice, Monaco, Menton-Ventimille! – кричал заунывным голосом железнодорожный сторож, выкрикивая главные станции, куда идет поезд, и продолжая звонить в ручной колокольчик.

Гарсон медленно записывал перед Николаем Ивановичем на бумажке франки за съеденное и выпитое. Николай Иванович нетерпеливо потрясал перед ним кредитным билетом в пятьдесят франков и говорил жене и спутнику:

– Ах, опоздаем! Ах, уйдет поезд! Бегите хоть вы-то скорей занимать места.

– А что хорошего будет, если мы займем места без тебя и уедем! – отвечала Глафира Семеновна и торопила гарсона: – Плю вит, гарсон, плю вит.

Тот успокаивал ее, что до отхода поезда еще много времени осталось.

– Нон, нон, ну савон, что это значит! В Лионе из-за этого проклятого расчета за еду мы еле успели вскочить в вагон и я впопыхах тальму себе разорвала, – говорила Глафира Семеновна гарсону по-русски. – Хорошо еще тогда, что услужливый кондуктор за талию меня схватил и в купе пропихнул, а то так бы на станции и осталась.

– Ah, madame! – улыбнулся гарсон.

– Что мадам! Плю вит, плю вит. И ты тоже, Николай Иваныч: сидишь и бобы разводишь, а нет, чтобы заранее рассчитаться! – журила она мужа.

Расчет кончен. Гарсону заплачено и дано на чай. Носильщик в синей блузе давно уже стоял перед путешественниками с их багажом в руках и ждал, чтобы отправиться к вагонам. Все побежали за ним. Иван Кондратьевич тащил свою громадную подушку и бутылку красного вина, взятую про запас в дорогу.

– Les russes... – сказал им кто-то вдогонку.

– Слышишь, Николай Иваныч? Вот и французские у нас бороды, а все равно узнают, что мы русские, – проговорил Иван Кондратьевич.

– Это, брат, по твоей подушке. Еще бы ты с собой перину захватил! Здесь, кроме русских, никто с подушками по железным дорогам не ездит. В первую нашу поездку за границу мы тоже захватили с собой подушки, а уж когда цивилизовались, то теперь шабаш.

Сели в купе вагона, но торопиться, оказалось, было вовсе незачем: до отхода поезда оставалось еще полчаса, о чем объявил кондуктор спрашивавшей его на ломаном французском языке Глафире Семеновне и в пояснение своих слов поднял указательный палец и пальцем другой руки отделил от него половину.

– Господа! Гарсон-то не соврал. Нам до поезда еще полчаса осталось, – заявила она своим спутникам.

– Да что ты! – воскликнул Николай Иванович. – Вот это я люблю, когда без горячки и с прохладцей. Это по-русски. Тогда я побегу в буфет и захвачу с собой в дорогу полбутылки коньяку. А то впопыхах-то мы давеча забыли захватить.

– Не надо. Сиди, когда уж сел. Ведь есть с собой бутылка красного вина.

Мимо окон вагонов носили газеты, возили на особо устроенной тележке продающиеся по франку маленькие подушки с надписью «les oreillers».

– Вот с какими подушками французы путешествуют, – указал Николай Иванович Ивану Кондратьевичу. – Купят за франк, переночуют ночь, а потом и бросят в вагоне. А ты ведь таскаешь с собой по всей Европе в полпуда перину.

– Да что ж ты поделаешь, коли жена навязала такую большую подушку, – отвечал тот. – «Бери, – говорит, – бери. Сам потом рад будешь. Приляжешь в вагоне и вспомнишь о жене».

Глафира Семеновна прочла надпись на тележке с подушками и сказала:

– Вот поди же ты: нас в пансионе учили, что подушки по-французски «кусен» называются, а здесь их зовут «орелье». Вон надпись «орелье».

– Цивилизация здесь совсем другая – вот отчего, – отвечал Николай Иванович. – Здесь слова отполированные, новомодные, ну а у нас все еще на старый манер. Ведь и у нас по-русски есть разница. Да вот хоть бы взять фуражку. В Петербурге по цивилизации она фуражкой зовется, а поезжай в Углич или в Любим – картуз.

Сказав это, он снял с себя шляпу котелком и, достав из кармана мягкую дорожную шапочку, надел ее на голову.

– И не понимаю я, Иван Кондратьич, зачем ты себе такой шапки дорожной не купил! И дешево, и сердито, и укладисто.

– Да ведь это жидовская ермолка. С какой же стати я – русский православный купец...

– Да и я русский православный купец, однако купил и ношу.

– Мало ли что ты. Ты вон в Париже улиток из раковин жрал, суп из черепахи хлебал, а я этого вовсе не желаю.

– Чудак! Выехал за границу, так должен цивилизации заграничной подражать. Зачем же ты выехал за границу?

– А черт знает зачем. Я теперь и ума не приложу, зачем я поехал за границу. Ты тогда сбил меня у себя на блинах на Масленой: «Поедем да поедем, все заграничные трактиры осмотрим, посмотрим, как сардинки делают». Я тогда с пьяных глаз согласился, по рукам ударили, руки люди разняли, а уж потом не хотел пятиться, я не пяченый купец. Да кроме того, и перед отъездом-то все на каменку поддавал. Просто, будем так говорить, в пьяном виде поехал.

– Так неужто тебе заграница не нравится? Вот уж ты видел Берлин, видел Париж...

Иван Кондратьевич подумал и отвечал:

– То есть как тебе сказать... хорошо-то оно хорошо, только уж очень шумно и беспокойно. Торопимся мы словно на пожар. Покою никакого нет. У нас дома на этот счет лучше.

– Ах, серое невежество!

– Постой... зачем серое? Здесь совсем порядки не те. Вот теперь пост Великий, а мы скоромное жрем. Ни бани здесь, ни черного хлеба, ни баранок, ни грибов, ни пирогов. Чаю даже уж две недели настоящим манером не пили, потому какой это чай, коли ежели без самовара!

– Да, чай здесь плох и не умеют его заваривать, – согласился Николай Иванович. – Или не кипятком заливают, или вскипятят его.

– Ну, вот видишь. Какой же это чай! Пьешь его и словно пареный веник во рту держишь.

– Зато кофей хорош, – заметила Глафира Семеновна.

– А я кофей-то дома только в Христов день пью. Нет, брат, заскучал я по дому, крепко заскучал. Да и о жене думается, о ребятишках, о деле. Конечно, над лавками старший приказчик оставлен, но ведь старший приказчик тоже не без греха. Из чего-то же он себе двухэтажный дом в своей деревне построил, когда ездил домой на побывку. Двухэтажный деревянный дом. Это уж при мне-то на деревянный дом капитал сколотил, ну а без меня-то, пожалуй, и на каменный сколотит, охулки на руку не положит¹. Знаю, сам в приказчиках жывал.

– Плюнь. У хлеба не без крох.

– Расплюешься, брат, так. Нет, я о доме крепко заскучал. Веришь ты, во сне только жена, дом да лавки и снятся.

– Так неужто бы теперь согласился, не выдавши Ниццы и Италии, ехать домой?

– А ну их! На все бы наплевал и полетел прямо домой, но как я один поеду, коли ни слова ни по-французски, ни по-немецки?.. Не знаю через какие города мне ехать, не знаю даже, где я теперь нахожусь.

– В Марселе, в Марселе ты теперь.

¹ Не упустит своей выгоды. (Примеч. ред.)

– В Марселе... Ты вот сказал, а я все равно сейчас забуду. Да и дальше ли это от Петербурга, чем Париж, ближе ли – ничего не знаю. Эх, завезли вы меня, черти!

– Зачем же это вы, Иван Кондратьич, ругаетесь? При даме это даже очень неприлично, – обиделась Глафира Семеновна. – Никто вас не завозил, вы сами с нами поехали.

– Да-с... Поехал сам. А только не в своем виде поехал. Загулявши поехал. А вы знали и не сказали мне, что это такая даль. Я, человек непонимающий, думал, что эта самая Италия близко, а вы ничего не сказали. Да-с... Это нехорошо.

– Врете вы. Мы вам прямо сказали, что путь очень далекий и что проедем больше месяца, – возразила Глафира Семеновна.

– Э-эх! – вздохнул Иван Кондратьевич. – То есть перенеси меня сейчас из этой самой заграницы хоть на воздушном шаре ко мне домой, в Петербург, на Клинский проспект, – без разговору бы тысячу рублей дал! Полторы бы дал – вот до чего здесь мне все надоело и домой захотелось.

Часовая стрелка приблизилась к полуночи.

– En voitures! – скомандовал начальник станции.

– En voitures! – подхватили кондукторы, захлопывая двери вагонных купе.

Поезд тронулся в путь.

А далеко ли до Италии?

Поезд летел. В купе вагона, кроме супругов Ивановых и Конурина, никого не было.

– Ну-ка, Николай Иванович, вместо чайку разопьем-ка бутылку красненького на сон грядущий, а то что ей зря-то лежать... – сказал Конурин, доставая из сетки бутылку и стакан. – Грехи! – вздохнул он. – То есть скажи мне в Питере, что на заграничных железных дорогах стакана чаю на станциях достать нельзя – ни в жизнь бы не поверил.

Бутылка была выпита. Конурин тотчас же освободил из ремней свою объемистую подушку и начал устраиваться на ночлег.

– Да погодите вы заваливаться-то! Может быть, еще пересадка из вагона в вагон будет, – остановила его Глафира Семеновна.

– А разве будет?

– Ничего не известно. Вот придет кондуктор осматривать билеты, тогда спрошу.

На следующем полустанке кондуктор вскочил в купе.

– Vos billets, messieurs... – сказал он.

Глафира Семеновна тотчас же обратилась к нему и на своем своеобразном французском языке стала его спрашивать:

– Нис... шанже вагон у нон шанже?

– Oh, non, madame. On on change pas les voitures. Vous partirez tout directement.

– Без перемены.

– Слава тебе Господи! – перекрестился Конурин, взявшись за подушку, и прибавил: – Вив ля Франс, – почти единственную фразу, которую он знал по-французски и употреблял при французах, когда желал выразить чему-нибудь радость или одобрение.

Кондуктор улыбнулся и ответил:

– Vive la Russie.

Он уже хотел уходить, как вдруг Николай Иванович закричал ему:

– Постой... Постой... Глаша! Скажи господину кондуктору по-французски, чтобы он запер нас на ключ и никого больше не пускал в наше купе, – обратился он к жене, – а мы ему за это пару франков подкинем.

– Да, да... Действительно, надо попросить, – отвечала супруга. – Экуте... Не впускайте... Не пусе... Или нет... что я! Не лесе дан ли вагон анкор пассажир... Ну вулон дормир... И вот вам... Пур ву... Пур буар... Ву компрене?

Она сунула кондуктору два франка. Тот понял, о чем его просят, и заговорил:

– Oui, oui, madame. Je comprends. Soyez tranquille...

– А вот и от меня монетка. Выпей на здоровье... – прибавил полфранка Конурин.

Кондуктор захлопнул дверцу вагона, и поезд полетел снова.

– Удивительно, как ты натерела в нынешнюю поездку по-французски... – похвалил Николай Иванович жену. – Ведь почти все говоришь...

– Еще бы... Практика... Я теперь стала припоминать все слова, которые учила в пансионе. Ты видел в Париже? Все приказчики Magasin de Louvre и Magasin au Bon Marché меня понимали. Во Франции-то что! А вот как мы по Италии будем путешествовать, решительно не понимаю. По-итальянски я столько же знаю, сколько и Иван Кондратьич... – отвечала Глафира Семеновна.

– Руками будем объясняться. Выпить – по галстуку себя хлопнем пальцами, съесть – в рот пальцем покажем, – говорил Николай Иванович. – Я читал в одной книжке, что суворовские солдаты во время похода отлично руками в Италии объяснялись и все их понимали.

– Земляки! Послушайте! – начал Иван Кондратьевич. – Ведь в Италию надо в сторону сворачивать?

– В сторону.

– Так не ехать ли нам уж прямо домой? Ну, что нам Италия? Черт с ней! Берлин видели, Париж видели, – ну и будет.

– Нет, нет! – воскликнула Глафира Семеновна. – Помилуйте, мы только для Италии и за границу поехали.

– Да что в ней, в Италии-то, хорошего? Я так слышал, что только шарманки да апельсины.

– Как что в Италии хорошего? Рим... В Риме папа... Неаполь... В Неаполе огнедышащая гора Везувий. Я даже всем нашим знакомым в Петербурге сказала, что буду на огнедышащей горе. А Венеция, где по всем улицам на лодках ездят? Нет, нет... Пока я на Везувии не побываю, я домой не поеду.

– Ни то же самое... – прибавил Николай Иванович. – Я до тех пор не буду спокоен, пока на самой верхушке горы об Везувий папироску не закурю...

– Везувий... Папа... Да что мы католики, что ли? Ведь только католики папе празднуют, а мы, слава богу, православные христиане. Даже грех, я думаю, нам на папу смотреть.

– Не хнычь и молчи, – хлопнул Конурина по плечу Николай Иванович. – И чего ты в самом деле!.. Сам согласился ехать с нами всюду, куда мы поедem, а теперь на попятный. Назвался груздем, так уж полезай в кузов.

– Подъехать к самой Италии и вдруг домой! – бормотала Глафира Семеновна. – Это уж даже и ни на что не похоже.

– А разве мы уже подъехали? – спросил Иван Кондратьевич.

– Да конечно же подъехали. Вот только теперь проехать немножко в сторону...

– А много ли в сторону? Сколько верст отсюда, к примеру, до Италии?

– Да почему же я-то знаю! Здесь верст нет. Здесь иначе считается. К тому же в этой местности я и сама с мужем в первый раз. Вот приедем в Ниццу, так справимся, сколько верст до Италии.

– А мы теперь разве в Ниццу едем? – допытывался Конурин.

– Сколько раз я вам, Иван Кондратьич, говорила, что в Ниццу.

– Да ведь где ж все упомянуть! Мало ли вы мне про какие города говорили. Ну а что такое эта самая Ницца?

– Самое новомодное заграничное место, куда все наши аристократки лечиться ездят. Моднее даже Парижа. Юг такой, что даже зимой на улицах жарко.

– А... Вот что... Стало быть, воды?

– И воды... и все... Там и в море купаются, и воды пьют. Там вот ежели у кого нервы – первое дело... Сейчас никаких нервов не будет. Потом мигрень... Ницца и от мигрени... Там дамский пол от всех болезней при всей публике в море купается.

– Неужели при всей публике? Ах, срамницы!

– Да ведь в купальных костюмах.

– В костюмах? Ну, то-то... А я думал... Только какое же удовольствие в костюмах! Так, в Ниццу мы теперь едем. Так, так... Ну а за Ниццей-то уже Италия пойдет?

– Италия.

– А далеко ли она все-таки оттуда будет?

Ницца

Кондуктор, взяв два с половиной франка «пур буар», хоть и дал слово не впускать никого в купе, где сидели Ивановы и Конурин, но слова своего не сдержал. На одной из следующих же станций спавший на диване Конурин почувствовал, что его кто-то трогает за ногу. Он открыл глаза, Перед ним стоял мрачного вида господин с двумя ручными чемоданами и говорил:

– Je vous prie, monsieur...

Он поднимал чемоданы, чтобы положить их в сетку.

– Послушайте... Тут нельзя... Тут занято... Тут откуплено!.. – закричал Конурин. – Кондуктор! Где кондуктор?

Пассажир продолжал говорить что-то по-французски и, положив чемоданы в сетку, садился Конурину на ноги. Конурину поневоле пришлось отдернуть ноги.

– Глафира Семеновна! Да что же это такое с нами делают! Скажите вы этому олуху по-французски, что здесь занято! – будил он Глафиру Семеновну, а между тем схватил пассажира за плечо и говорил: – Мусью... Так не делается. На ноги садиться не велено. Выходи.

Тот упрямылся и даже оттолкнул руку Конурина. Глафира Семеновна проснулась и не сразу поняла, в чем дело.

– Позовите же кондуктора. Пусть он его выпроводит, – сказала она Конурину.

– Матушка. Я без языка... Как я могу позвать, ежели ни слова по-французски!

– Кондуктер! Мосье кондуктер! – выглянула она в окошко.

Но в это время раздалась команда «en voitures», и поезд тронулся.

– Вот тебе и франко-русское единство! – бормотал Конурин. – Помилуйте, какое же это единство! «Вив ли Франс, вив Рюсси», взять полтора франка, обещать никого не пускать в вагон и вдруг, извольте видеть, эфиопа какого-то посадил! Это не единство, а свинство. А еще «вив Рюсси» сказал.

– Да уж это вив Рюсси-то я еще в Париже в ресторане «Бребан» испытал, – сказал тоже проснувшийся Николай Иванович. – И там гарсон сначала «вив Рюсси», а потом на шесть франков обсчитал.

Пассажир угрюмо сидел в купе и расправлял вынутую из кармана дорожную шапочку, чтобы надеть ее на голову вместо шляпы. Ехали по туннелю. Стук колес раздавался каким-то особенным гулом под сводами.

– Все туннели и туннели... – сказала Глафира Семеновна. – Выедем из туннеля, так надо будет открыть окно, а то душно здесь, – прибавила она и стала поднимать занавеску, которой было завешано окно.

– Из Ниццы Италия уж совсем недалеко.

– Ну а все-таки дальше, чем от Петербурга до Новгорода?

– Ах, как вы пристаёте, Иван Кондратьич! Ей-ей, не знаю.

– И ты, Николай Иванович, тоже не знаешь? – обратился Конурин к спутнику.

– Жена не знает, так уж почем же мне-то знать! Я человек темный. Я по географии-то только моря да реки учил, а до городов не дошел, – отвечал Николай Иванович.

Конурин покачал головой.

– Скажи на милость, никто из нас ничего не знает, а едем, – сказал он и, подождав немного, опять спросил: – Простите, голубушка... Я опять забыл... Как город-то, куда мы едем?..

– Ах, боже мой! В Ниццу, в Ниццу, – раздраженно произнесла, Глафира Семеновна.

– В Ниццу, в Ниццу... Ну, теперь авось не забуду. Не знаете, когда мы в нее приедем?

– Да на станции в Марселе говорили, что завтра рано утром.

– Утром... так... так... Вот тоже, чтобы и Марсель не забыть. Марсель, Марсель... А то ездил по городу, осматривал его и вдруг забыл, как он называется. Марсель, Марсель... Жена спросит дома, в каких городах побывал, а я не знаю, как их и назвать. Надо будет записать завтра себе на память. Марсель, Ницца... В Ниццу, стало быть, завтра утром... И наконец едем без пересадки. Так... Коли завтра утром, то теперь можно и основательно на покой залечь, – бормотал Конурин, поправил свою подушку и, зевая, стал укладываться спать.

Вынули из саквояжей свои небольшие дорожные шелковые подушечки и Николай Иванович, и Глафира Семеновна и тоже стали устраиваться на ночлег.

Конурин продолжал зевать.

– А что-то теперь у меня дома жена делает? – вспомнил он опять. – Поди, уж третий сон спит. Или нет... Что я... Вы говорите, Глафира Семеновна, что когда здесь на юге ночь, то у нас день?

– Да... вроде этого... – отвечала Глафира Семеновна.

– Второй час ночи, – посмотрел Конурин на часы. – Здесь второй час ночи, стало быть, в Петербурге...

– А там два часа дня... – подсказала Глафира Семеновна.

– Да ведь еще давеча вы мне говорили, часа два назад, что три часа дня было.

– Ну, стало быть, теперь в Петербурге пять часов вечера. Нельзя же так точно...

– А пять часов вечера, так она, пожалуй, после чаю в баню пошла. Сегодня день субботний, банный. Охо-хо-хо! А мы-то, грешники, здесь без бани сидим! – зевнул он еще раз и стал сопеть носом.

Засыпали и Николай Иванович с Глафирой Семеновной.

Но вот туннель кончился, мелькнул утренний рассвет, и глазам присутствующих представилась роскошная картина. Поезд шел по берегу моря. С неба глядела совсем уже побледневшая луна. На лазурной воде беловатыми точками мелькали парусные суда. По берегу то тут, то там росли пальмы, близ самой дороги по окраинам мелькали громадные агавы, разветвляя свои причудливые, рогатые, толстые листья, то одноцветно-зеленые, то с желтой каймой. Вот показалась красивая двухэтажная каменная вилла затейливой архитектуры и окруженная садиком, а в садике апельсиновые деревья с золотистыми плодами, гигантские кактусы.

– Николай Иванович! Иван Кондратьич! Смотрите, вид-то какой! Да что же это мы? Да где же это мы? – воскликнула в восторге Глафира Семеновна. – Уж не попали ли мы прямо в Италию? Апельсины ведь это, апельсины растут.

– Да, настоящие апельсины, – отвечал Николай Иванович.

– И пальмы, пальмы. Даже латании. Такие латании, как в оранжереях или в зимнем саду в «Аркадии». Вот так штука! Господи Иисусе! Я не слышала, чтобы в Ницце могли быть такие растения. Право, уж не ошиблись ли мы как-нибудь поездом и не попали ли в Италию?

– Почему же я-то знаю, матушка! Ведь ты у нас француженка, ведь ты разговаривала.

– Да ведь кто ж их знает! Разговариваешь, разговариваешь с ними, а в конце концов все равно настоящим манером ничего не понимаешь. Смотри, смотри, целый лес пальм! Вот оказия, если мы ошиблись!

– Да не проспали ли мы эту самую Ниццу-то – вот что? – вмешался в разговор Иван Кондратьевич. – Ведь вы сказывали, что Италия-то за Ниццей. Ниццу проспали, а теперь в Италии.

– И ума приложить не могу! – разводила руками Глафира Семеновна, восторгаясь видами. – Смотрите, смотрите, скала-то какая и на ней домик. Да это декорация какая-то из балета.

– Совсем декорация... – согласился Иван Кондратьевич. – Театр – одно слово.

– Батюшки! Забор из кактусов. Целый забор из кактусов... – кричала Глафира Семеновна. – И лимонная роща. Целая лимонная роща. Нет, мы, наверное, в Италии.

– Проспали, стало быть, Ниццу! – сказал Иван Кондратьевич. – Ну, плевать на нее. В Италию приехали так в Италию, тем лучше, все-таки к дому ближе. А только что же я шарманщиков не вижу? Ведь в Италии, говорят, весь народ шарманщики. А тут вон уж идет народ, а без шарманок.

– Боже мой! И шляпы на мужиках итальянские, разбойничьи. Нет, мы положительно приехали в Италию, – продолжала Глафира Семеновна.

– Так спроси вон этого эфиопа-то, что к нам в купе давеча влез, чем сомневаться, – сказал Николай Иванович. – Он туточный, он, уж наверное, знает, куда мы приехали.

Глафира Семеновна откашлялась и начала:

– Монсье... се Итали? – кивнула она в окошко. – У сон ну апрезан?

– Tout de suite nous serons à Cannes, madame... – отвечал пассажир, ослабившись в легкую улыбку и приподнимая свою дорожную шапочку.

– Ну что? Проспали Ниццу? – спрашивает Николай Иванович жену.

– Постой... Ничего не понимаю. Надо еще спросить. Ну а Ницца, монсье? Нис? Ну завон дорми и не савон рьян... Нис... Ну закон пассе Нис?

– О, non, madame. A Nice nous serons à six heures du matin.

– Слава богу, не проехали! – произнесла Глафира Семеновна. – Фу, как я давеча испугалась.

– Да ты спроси, Глаша, хорошенько.

– Мэ се не па Итали? – снова обратилась Глафира Семеновна к пассажиру.

– Non, non, madame. Soyez tranquille. L'Italie c'est encore loin.

– Мерси, монсье. Нет, нет, не проехали. В Ницце мы будем в шесть часов утра. А только скажите на милость, какой здесь климат! Совсем Италия. Пальмы, апельсины, лимоны, кактусы. Да и лица-то итальянские. Вон мужик идет. Совсем итальянец...

– Без шарманки, так, значит, не итальянец, – заметил Конурин.

– Молчите, Иван Кондратьич! Ну что вы понимаете! Дальше своего Пошехонья из Петербурга никуда не выезжали, никакой книжки о загранице не читали, откуда же вам знать об Италии! – огрызнулась Глафира Семеновна и продолжила восторгаться природой и видами: – Водопад! Водопад! Николай Иванович, смотри, какой водопад бьет из скалы!

А с моря между тем поднималось красное зарево восходящего солнца и отражалось пурпуром в синеве спокойных величественных вод. Начиналось ясное, светлое, безоблачное утро. Из открытого окна вагона веяло свежим, живительным воздухом.

– Ах, как здесь хорошо! Вот хорошо-то! – невольно восклицала Глафира Семеновна.

– Да, недаром сюда наши баре русские денюжки возят, – отвечал Николай Иванович.

– Cannes! – возгласил кондуктор, когда остановились на станции.

Поезд опять тронулся, и дальше пошли виды еще красивее, еще декоративнее. Солнце уже взойшло и золотило своими лучами все окружающее. Справа синело море с вылезающими из него по берегу громадными скалами, слева чередовались виллы, виллы без конца, самой прихотливой архитектуры и окруженные богатейшей растительностью. Повсюду розовыми цветками цвел миндаль, как бы покрытый белым пухом, стояли цветущие вишневые деревья.

– Господи боже мой! И это в половине-то марта! – воскликнул Николай Иванович. – А у нас под Питером-то что теперь! Снег на полтора аршина и еще великолепный, поди, санный путь.

Проехали Грасс. Опять справа море и слева виллы без конца, прилепленные почти к отвесным скалам. Наконец поезд опять въехал в туннель, пробежал по нем несколько минут и выскочил на широкую поляну. Виднелся город. Еще минут пять, и паровоз стал убавлять пары. Въезжали в обширный крытый вокзал и наконец остановились.

- Nice! – закричали кондукторы.
- Ницца... – повторила Глафира Семеновна и стала собирать свой багаж.

Какой такой пансион?

На подъезде к станции толпились представители гостиниц в фуражках с позументами и выкрикивали названия своих гостиниц, предлагая омнибусы. Супруги Ивановы и Конурин остановились в недоумении.

– Куда же, в какую гостиницу ехать? – спрашивала Глафира Семеновна мужа.

– Ах, матушка, да почему же я-то знаю!

– Однако надо же...

– Модное слово теперь, «вив ля Франс» – ну и вали в «Готель де Франс». «Готель де Франс» есть? – спросил Николай Иванович по-русски.

Представители молчали. Очевидно, под таким названием в Ницце гостиницы не было, или омнибус ее не выехал на станцию.

– «Готель де Франс»... – повторил Николай Иванович.

– Постой, постой... Спроси лучше, в какой гостинице есть русский самовар – туда и поедем, а то нигде за границей чаю настоящим манером не пили, – остановил его Конурин и в свою очередь спросил: – Ребята! У кого из вас в заведении русский самовар имеется?

Представители, разумеется, русского языка не понимали.

– Русский самовар, пур те... – опять повторил Николай Иванович и старался пояснить слова жестами, но тщетно. – Не понимают! – развел он руками. – Глаша! Да что же ты! Переведи им по-французски.

– Самовар русс, самовар русс... Пур лобульянт, пур те... Эске ву аве дан ли готель? – заговорила она.

– Ah! Madame désire une bouilloire!.. – догадался какой-то представитель.

– Нет, не бульвар, а самовар русс, с угольями.

– Самовар! – крикнул Конурин.

– Mais oui, monsieur... Samovar russe c'est une bouilloire.

– Что ты все бульвар да бульвар! Не бульвар нам нужно, давай комнату хоть в переулке. Что нам бульвар! А ты дай комнату, чтобы была с самоваром.

– Иван Кондратьевич, вы не то толкуете. Оставьте... Ни вы, ни они вас все равно не понимают, – остановила Конурина Глафира Семеновна.

– Обязаны понимать, коли русские деньги брать любят.

– Да что тут разговаривать! – воскликнул Николай Иванович. – Дикие они насчет самоваров. Брось, Иван Кондратьич, и залезай на счастье в какой попало омнибус. В какую привезут гостиницу, та и будет хороша. Ведь мы все равно не знаем, какая хуже. Вон омнибусы стоят. Вали!

Иван Кондратьич подбежал к первому попавшемуся омнибусу и, сказав: «Вот этот как будто омнибусик поновее», сел в него. Полезли за ним и супруги Ивановы.

Живо взвалили на крышу омнибуса их сундуки, взятые из багажного вагона, и омнибус поехал, минуя роскошный сквер, разбитый перед железнодорожной станцией. В сквере росли апельсиновые деревья с золотящимися плодами, пальмы, латании, агавы, олеандры и яркими красными цветами цвели громадные камелии.

– Боже мой, в какие места мы приехали! – восторгалась Глафира Семеновна. – Оранжереи под открытым небом. Смотрите, смотрите, лимоны! Целое дерево с лимонами!

Иван Кондратьевич мрачно покосился и сказал:

– Лимоны у подлецов есть, а самоваров к чаю завести не могут.

– Оглянитесь, оглянитесь, господа, назад! Ах, какая гора! – продолжала Глафира Семеновна. – А вон и осел везет в тележке цветную капусту. Цветная капуста уж здесь поспела. А у нас-то! Я у себя перед отъездом лук на окошке посадила, и тот к Масленице еле-еле перья

дал. Еще осел. Два осла... Дамы-то здешние, дамы- то в марте в одних бумажных зефирowych платьях по улицам ходят – вот до чего тепло.

Проезжали по Avenue de la Gare – длинному проспекту, обсаженному гигантскими деревьями. Было еще рано, уличная жизнь только начиналась: отворяли магазины, кафе; кухарки в соломенных шляпках и с корзинками в руках шли за провизией. Показался англичанин, мерно шагающий по бульвару, длинный, худой, весь в белом и с зеленой вуалью на шляпе. Иван Кондратьич тотчас же обратил на него внимание и сказал:

– Эво, какой страшный! Это, должно быть, поп здешний итальянский.

– Нет, нет, это англичанин, – отвечала Глафира Семеновна. – Мы таких в прошлую поездку много видели в Париже на выставке.

Наконец омнибус въехал на двор гостиницы и остановился. На дворе опять апельсиновые и лимонные деревья с плодами, мирты в цвету, у подъезда два толстых, как бревно, как-туса лезут своими верхушками к окнам третьего этажа. Швейцар зазвонил в большой колокол. Выбежал пожилой мужчина с эспаньолкой и с карандашом за ухом.

– Комнату об одной кровати и комнату о двух кроватях... – сказал Николай Иванович. – Глаша, переведи по-французски.

– Уговаривайтесь уж, голубушка, заодно, чтоб нам апельсины и лимоны из сада даром есть, – сказал Иван Кондратьевич.

Мужчина с эспаньолкой повел показывать комнаты, сказал цену и стал предлагать взять комнаты с пансионом, то есть со столом.

– Nous avons deux déjeuners, dîner à sept heures... – рассказывал он.

Глафира Семеновна поняла слово «пансион» совсем в другом смысле.

– Как пансион? Коман пансион? Николай Иваныч, вообрази, он нам какой-то пансион предлагает! Почему он вообразил, что у нас дети? Нон, нон, монсье. Пуркуа пур ну пансион? – сказала она. – Ну навон па анфан. Пансион!

– Si vous prendrez la pension, madame, ça vous sera à meilleur marché.

– Опять пансион! Да что он пристал с пансионом!

– Учитель должно быть, что ли... – отвечал Николай Иванович.

– Да ведь он видит, что при нас нет детей.

– А может быть, у него пансион для взрослых, для обучения русских французскому языку? Ты спроси, какой у него пансион. Ведь можешь спросить. На столько- то теперь уже по-французски насобачилась?

– Все равно нам не надо никакого пансиона. Так берем эти комнаты? За одну восемь франков, за другую двенадцать в день хочет, – пояснила Глафира Семеновна.

– Двенадцать четвертаков по сорока копеек – четыре восемь гивен на наши деньги, – сосчитал Николай Иванович. – Дорогонько, ну да уж нечего делать.

– Ницца... Ничего не поделаешь. Сюда шалая публика только за тем и едет, чтобы деньги бросать. Самое модное место из всех заграниц. Хочешь видеть, как апельсины растут – ну и плати. Берем, что ли, эти комнаты? – продолжала она.

– Постойте, постойте. Нельзя ли ему «вив ли Франс» подпустить, так, может быть, он из-за францужско-русского единства и спустит цену, – сказал Конурин.

– Какое! Это только у нас единство-то ценится, а здесь никакого внимания на него не обращают. Ты видел сегодня ночью кондуктора-то? Взял полтора франка, чтоб никого к нам в купе не пускать, – и сейчас же к тебе пассажира на ноги посадил. Нет, уж где наша не пропадала! Надо взять. Берем, мусье, эти комнаты! – решил Николай Иванович и хлопнул француза с эспаньолкой по плечу.

– Avec pension, monsieur? – снова спросил тот.

– Вот пристал-то! Нон, нон. У нас нон анфан. Мы без анфанов приехали. Вуаля: же, ма фам и купец фруктовщик с Клинского проспекта – вот и все.

Николай Иванович ткнул себя в грудь, указал на жену, а потом на Конурину.

Ресторан на воде

Переодевшись и умывшись, супруги Ивановы и Конурин вышли из гостиницы, чтобы идти осматривать город. Глафира Семеновна облеклась в обновки, купленные ею в Париже, и надела такую причудливую шляпу с райской птицей, что обратила на себя внимание даже француза с эспаньолкой, который часа два тому назад сдавал им комнаты. Он сидел за столом в бюро гостиницы, помещавшемся внизу у входа, и сводил какие-то счета. Увидав сошедших вниз постояльцев, он тотчас же заткнул карандаш за ухо, подошел к ним и, не сводя глаз со шляпки Глафиры Семеновны, заговорил что-то по-французски.

– Глаша, что он говорит? – спросил Николай Иванович.

– Да говорит, что у них хороший табльдот в гостинице и что завтрак бывает в двенадцать часов дня, а обед в семь.

– А ну его! А я думал, что-нибудь другое, что он так пристально на тебя смотрит.

– Шляпка моя понравилась – вот и смотрит пристально.

– Да уж и шляпка же! – заговорил Конурин, прищелкнув языком. – Не то пирог, не то корабль какой-то. В Петербурге в такой шляпке пойдете, то за вами собаки будут сзади бежать и лаять.

– Пожалуйста, пожалуйста, не говорите вздору. Конечно, ежели вашей жене эту шляпку надеть, которая сырая женщина и с большим животом, то конечно...

– Да моя жена и не наденет. Хоть ты озолоти ее – не наденет.

– Зачем ты бриллиантовую-то браслетку на руку напялила? Ведь не в театр идем, – сказал жене Николай Иванович.

– А то как же без браслетки-то? Ведь здесь Ницца, здесь самая высшая аристократия живет.

Супруги и их спутник вышли на улицу, прошли с сотню шагов и вдруг в открывшийся проулок увидели море.

– Море, море... – заговорила Глафира Семеновна. – Вот тут-то на морском берегу все и собираются. Я читала в одном романе про Ниццу. Высшая публика, самые модные наряды...

Они ускорили шаг и вскоре очутились на набережной, на Jetté Promenade. Берег был обсажен пальмами, виднелась бесконечная голубая даль моря, сливающаяся с такими же голубыми небесами. На горизонте белели своими парусами одинокие суда. Погода была прелестная. Ослепительно-яркое солнце делало почти невозможным смотреть на белые плиты набережной. Легкий ветерок прибывал на песчано-каменистый берег небольшие волны, и они с шумом пенились, ударяясь о крупный песок. Около воды копошились прачки, полоскавшие белье и тут же, на камнях, расстилавшие его для просушки.

Компания остановилась и стала любоваться картиной.

– Почтище нашего Ораниенбаума-то будет! – сказал Конурин.

– Господи! Да разве есть какое-нибудь сравнение! – воскликнула Глафира Семеновна. – Уж и скажете вы тоже, Иван Кондратьич! А посмотрите, какое здание стоит на сваях, на море выстроено! Непременно это городская дума или казначейство какое!

– Не хватило им земли-то, так давай на море на сваях строить, – проговорил Николай Иванович.

Они направились по набережной к зданию на сваях. Это было поистине прелестное здание самого причудливого смешанного стиля. Тут виднелись и мавританский купол, и прилепленная к нему китайская башня. Навстречу Ивановым и Конурину попадались гуляющие. Мужчины были почти все с открытыми зонтиками серых, гороховых и даже красных цветов.

– Скажи на милость, какая здесь мода! – пробормотал Конурин. – Даже мужчины зонтиками от солнца укрываются, словно дамы.

– Что ж, и мы купим себе по зонтику, чтоб моде подражать, – отвечал Николай Иванович.

– Уж ежели покупать, так покупать надо красные. Приеду домой в Петербург, так тогда свой зонтик жене подарить можно. «Вот, мол, под какими красными зонтиками мы из себя дам в Ницце изображали». А что-то моя жена теперь, голубушка, дома делает! – вспомнил Конурин опять про жену, посмотрел на часы и прибавил: – Коли считать по здешнему времени наоборот, то, стало быть, теперь ужинает. Долбанула, поди, рюмочку рябиновой и щи хлебать принимается. Ведь вот поди ж ты: мы здесь только что кофею напились утречком, а она уж ужинает. Дела-то какие!

Разговаривая таким манером, они добрались до здания на сваях, которое теперь оказалось гигантским зданием, окруженным террасами, заполненными маленькими столиками. С набережной вел в здание широкий мост, загороженный решеткой, в которой виднелось несколько ворот. У одних ворот стоял привратник, была кассовая будочка и на ней надпись: Entrée 1 fr.

– Нет, это не дума, – проговорила Глафира Семеновна. – Вот и за вход берут.

– Да может быть, здесь и в думу за вход берут, кто желает ихних прений послушать, – возразил Конурин. – Ведь здесь все наоборот: у нас в Питере теперь ужинают, а здесь еще за завтрак не принимались, у нас в Питере мороз носы щиплет, а здесь, эво, как солнце припекает!

Он снял шляпу, достал носовой платок и стал отирать от пота лоб и шею.

– Кескесе са? – спросила Глафира Семеновна сторожа, кивая на здание.

– Théâtre et restaurant de Jetté Promenade, madame, – отвечал тот.

– Театр и ресторан, – перевела она.

– Слышу, слышу... – откликнулся Николай Иванович. – А ты-то: дума, казначейство. Мне с первого раза казалось, что это не может быть думой. С какой стати думу на воде строить!

– А с какой стати театр на воде строить?

– Да ведь ты слышишь, что тут, кроме театра, и ресторан, а рестораны и у нас в Петербурге на воде есть.

– Где же это?

– А ресторан на паровой пристани у Летнего сада, так называемый поплавок. Конечно, у нас он плавучий, а здесь на сваях, но все-таки... Потом, есть ресторан-поплавок на Васильевском острове. А то вдруг: дума. Ведь придумает тоже... Зачем думе на воде быть?

– А ресторану зачем?

– Как, Глафира Семеновна, матушка, зачем? – заговорил Конурин. – Для разнообразия. Иной на земле-то в трактире пил-пил, и ему уж больше в глотку не лезет, а придет в ресторан на воду – опять пьется. Перемена – великая вещь. Иной раз в Питере загуляешь и из рюмок пьешь-пьешь – не пьется, а попробовали мы раз в компании вместо рюмок из самоварной крышки пить, из простой медной самоварной крышки, – ну и опять питье стало проходить как по маслу. Непременно нужно будет сегодня в этот ресторан сходить позавтракать. Помилуйте, ни в одном городе за границей не удавалось еще на воде пить и есть.

– Да это с вами спорит, Иван Кондратьич, что вы так жарко доказываете, чтоб на воде завтракать? Ну на воде так на воде, – отвечала Глафира Семеновна, остановилась, взглянула с набережной вниз к воде и быстро прибавила: – Смотрите, там что-то случилось. Вон публика внизу на песке на берегу стоит и что-то смотрит. Целая толпа стоит. Да, да... И что-то лежит на песке. Не вытащили ли утопленника?

– Пожалуй, что утопленник, – сказал Николай Иванович.

– Утопленник и есть, – поддакнул Конурин. – Сойдемте вниз и посмотримте. Уж не бросился ли, грехом, кто-нибудь в воду из этого самого ресторана, что на сваях стоит? С пьяных-то глаз долго ли! В голову вступило, товарищи разобидели – ну и... Со мной, молодым, раз тоже было, что я на Черной речке выбежал из трактира да бултых в воду... Хорошо еще, что воды-то

только по пояс было. Тоже вот из-за того, что товарищи мне пьяному что-то перечить начали. Пойдем, Николай Иванович, посмотрим.

– Да, пойдем. Отчего не посмотреть? У нас делов-то здесь не завалило! На то и приехали, чтоб на всякую штуку смотреть. Идешь, Глафира Семеновна?

– Иду, иду. Где здесь можно спуститься вниз? – обзревала она местность. – Вон где можно спуститься. Вон лестница.

Они бросились к лестнице и стали спускаться на берег к воде. Иван Кондратьевич говорил:

– То есть оно хорошо это самое море для выпивки, приятно на берегу, но ежели уж до того допьешься, что белые слоны в голову вступят, то ой-ой-ой! Беда... Чистая беда! – повторял он.

Знакомство с бакенбардистом

В крупном песке, вроде гравия, состоящем из мелких красивых разноцветных камушков, действительно что-то лежало, но не утопленник. Глафира Семеновна первая протискалась сквозь толпу, взглянула и с криком:

– Ай, крокодил! – бросилась обратно. – Пойдемте прочь! Пойдемте! Николай Иваныч, не подходи! Иван Кондратьич! Идите сюда! Как же вы бросаете одну даму! – звала она мужчин, уже стоя на каменной лестнице.

– Да это вовсе и не крокодил, а большая белуга! – откликнулся Конурин снизу.

– Какая белуга! Скорей же громадный сом. Видишь, тупое рыло. А белуга с вострым носом, – возражал Николай Иванович. – Глаша! Спускайся сюда. Это сом. Сом громадной величины.

– Нет, нет! Ни за что на свете! Я зубы видела... Страшные зубы... – слышалось с лестницы. – Брр...

– Да ведь он мертвый, убит...

– Нет, нет! Все равно не пойду.

А около вытасченного морского чудовища между тем два рыбака в тиковых куртках, загорелые, как корка черного хлеба, пели какую-то нескладную песню, а третий такой же рыбак подсовывал каждому зрителю в толпе глиняную чашку и просил денег, говоря:

– Deux sous pour la représentation! Doux sous...

Подошел он и к Ивану Кондратьевичу и протянул ему чашку, подмигивая глазом.

– Чего тебе, арапская морда? – спросил тот.

– За просмотр зверя просит. Дай ему медяшку, – отвечал Николай Иванович.

– За что? Вот еще! Стану я платить! Тут не театр, а берег.

– Да дай. Ну что тебе? Ну, вот я и за тебя дам.

Николай Иванович кинул в чашку два медяка по десять сантимов.

– Иван Кондратьич! Вы говорите, что этот крокодил мертвый? – слышался с лестницы голос Глафиры Семеновны, которая, услышав пение, несколько приободрилась.

– Мертвый, мертвый... Иди сюда... – сказал Николай Иванович.

– Да мертвый ли?

Глафира Семеновна стала опять подходить к толпе и робко взглянула на морского зверя.

– Ну, конечно же это крокодил. Брр... Какой страшный! – бормотала она. – Неужели его эти люди здесь из моря вытащили? Зубы-то какие, зубы...

Рядом с ней стоял высокий, стройный, средних лет, элегантный бакенбардист с подбранными волосок к волоску черными бакенбардами, в светло-сером, ловко сшитом пальто и в такого же цвета мягкой шляпе. Он улыбнулся и, обратясь к Глафире Семеновне, сказал по-русски:

– Это вовсе не крокодил-с... Это акула, дикий зверь, который покойниками питается, коли ежели какое кораблекрушение. Здешные рыбаки их часто ловят, а потом публике показывают.

Услышав русскую речь от незнакомого человека, Глафира Семеновна даже вспыхнула.

– Вы русский? – воскликнула она.

– Самый первый сорт русский-с. Даже можно сказать, на отличку русский, – отвечал незнакомец.

– Ах, как это приятно! Мы так давно путешествуем за границей и совсем почти не встречали русских. Позвольте познакомиться... Иванова Глафира Семеновна... А это вот мой муж Николай Иваныч, коммерсант. А это вот...

– Иван Кондратьев Конурин, петербургский второй гильдии... – подхватил Конурин.

Последовали рукопожатия. Незнакомец отрекомендовался Капитоном Васильевичем и пробормотал и какую-то фамилию, которую никто не расслышал.

– Путешествуете для своего удовольствия? – спрашивала его Глафира Семеновна, кокетливо стреляя своими несколько заплывшими от жира глазками.

– Нет-с, отдохнуть приехали. Мы еще с декабря здесь.

– Ах, даже с декабря! Скажите... Я читала, что здесь совсем не бывает зимы.

– Ни боже мой... Вот все в такой же плепорции, как сегодня. То есть по ночам бывало холодно, но и по ночам, случалось, в пиджаке выбегал, коли ежели куда недалеко пошлют.

– То есть как это – пошлют? – задала вопрос Глафира Семеновна. – Вы здесь служите?

Элегантный бакенбардист несколько смешался.

– То есть как это? Нет-с... Я для своего удовольствия... Пур... Как бы это сказать?.. Пур плезир – и больше ничего... Мы сами по себе... – отвечал он наконец. – А ведь иногда по вечерам мало ли куда случится сбегать! Так я даже и в декабре в пиджаке, ежели на спешку...

– Неужто здесь зимой и на санях не ездили? – спросил в свою очередь Конурин.

– Да как же ездить-то, ежели и снегу не было.

– Скажи на милость какая держава! И зимой снегу не бывает.

– Иван Кондратьич, да ведь и у нас в Крыму никогда на санях не ездят.

– Ну а эти пальмы, апельсиновые деревья даже и в декабре были зеленые и с листьями? – допытывался Николай Иванович у бакенбардиста.

– Точь-в-точь в том же направлении. Так же вот выйдешь в полдень на берег, так солнце так спину и припекает. Точь-в-точь...

– Господи, какой благодатный климат! Даже и не верится... – вздохнула Глафира Семеновна.

– По пятаку розы на бульваре продавали в декабре, так чего же вам еще! Купишь за медный пятак розу на бульваре – и поднесешь барышне. Помилуйте, мы уж здесь не в первый раз по зимам... Мы третий год по зимам здесь существуем, – рассказывал бакенбардист. – Зиму здесь, а на лето в Петербург.

– Ах, вы тоже из Петербурга?

– Из Петербурга-с.

– А вы чем же там занимаетесь? – начал Николай Иванович. – Служите? Чиновник?

– Нет-с, я сам по себе.

– Стало быть, торгуете? Может быть, купец, наш брат Исакий?

– Да разное-с... Всякие у меня дела, – уклончиво отвечал бакенбардист.

Ивановы и Конурин стали подниматься по лестнице на набережную. Бакенбардист следовал за ними.

– Очень приятно, очень приятно встретиться с русским человеком за границей, – повторяла Глафира Семеновна. – А то вот мы прожили в Берлине, в Париже – и ни одного русского.

– Ну а в здешних палестинах много русских проживает, – сказал бакенбардист.

– Да что вы! А мы вот вас первого... Впрочем, мы только сегодня приехали. Вы где здесь в Ницце остановившись? В какой гостинице?

– Я не в Ницце-с... Я в Монте-Карло. Это верст двадцать пять отсюда по железной дороге. На манер как бы из Петербурга в Павловск съездить. А сюда я приехал по одному делу.

– Как город-то, где вы живете? – допытывался Николай Иванович.

– Монте-Карло.

– Монте-Карло... Не слыхал, не слыхал про такой город.

– Что вы! Помилуйте! Да разве можно не слышать! Из-за Монте-Карло-то все господа в здешние места и стремятся. Это самый-то вертеп здешнего круга и есть... Жупел, даже можно сказать. Там в рулетку господа играют.

– В рулетку? Слышал, слышал! А только я не знал, что это так называется! – воскликнул Николай Иванович. – Помилуйте, из-за этой самой рулетки жены моей двоюродный брат, весь оборвавшись, в Петербург приехал, а три тысячи рублей с собой взял, да пять тысяч ему потом выслали. Так вот она рулетка-то! Надо съездить и посмотреть.

– Непременно надо-с, – поддакнул бакенбардист. – Это самое, что здесь есть по части первого сорта...

– Так как же город-то называется?

– Монте-Карло, – подсказала мужу Глафира Семеновна. – Удивляюсь я, как ты этого не знаешь! Я так сколько раз в книгах читала и про Монте-Карло, и про рулетку и все это отлично знаю.

– Отчего же ты мне ничего не сказала, когда мы сюда ехали?

– Да просто забыла. Кто с образованием и читает, тот не может не знать рулетки и Монте-Карло.

– Съездите, съездите, побывайте там разок... Любопытно... – говорил бакенбардист и тотчас же прибавил: – Да уж кто один раз съездит и попытает счастье в эту самую вертушку, того потянет и во второй, и в третий, и в четвертый раз туда. Так и будете сновать по знакомой дорожке.

Шаг за шагом они прошли всю часть бульвара, называемую Jette Promenade, и уже шли по Promenade des Anglais, где сосредоточена вся гуляющая публика.

Цветочная драка

– Здесь в Ницце и в окрестных городах по берегу страсть что русских живет! – рассказывал Капитон Васильевич, важно расправляя свои бакенбарды. – Некоторые из аристократов или из богатого купечества и банкирства даже свои собственные виллы имеют. Кто всю зиму живет, кто в январе после Рождества приезжает.

– Вилы? – удивленно выпучил глаза Конурин. – А зачем им вилы эти самые?..

– Иван Кондратьич, не конфузьте себя, – дернула его за рукав Глафира Семеновна. – Ведь вилла – это дом, дача!

– Дача? Тьфу! А я-то слушаю... Думаю: на что им вилы? Я думал, железные вилы, вот что для навоза и для соломы...

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Капитон Васильевич. – Этот анекдот надо будет нашему гувернеру рассказать, как вы дачу за железные вилы приняли, а он пусть графу расскажет. Вилла по здешнему – дача.

Конурин обиделся.

– Как же я могу по-здешнему понимать, коли я по- французски ни в зуб... Я думал, что уж вила так вила.

– Да и я, братец ты мой, по-французски не ахти как... больше хмельные и съестные слова... Однако что такое вилла, отлично понял, – вставил свое слово Николай Иванович.

– Ну а я не понял и не обязан понимать. А вы уж сейчас и графу какому-то докладывать! Что мне такое ваш граф? Графа-то, может статься, десять учителей на разные манеры образовывали, а я в деревне, в Пошехонском уезде, на медные деньги у девки-вековухи грамоте учился. Да говорите... Чхать мне на вашего графа!

– Иван Кондратьич, бросьте... Ведь это же шутка. С вами образованный человек шутит, а вы борзеее, – останавливала Конурина Глафира Семеновна.

– Пардон, коли я вас обидел, но, ей-богу же, смешно! – похлопал Конурина по плечу Капитон Васильевич. – Вила! Ха-ха-ха...

– А у вас какой знакомый граф? Как его фамилия? – поинтересовалась Глафира Семеновна.

– Есть тут один. Здесь графов много. Да вот тоже русский граф ждет. Он офицер. Он к нам ходит.

– Как офицер? Отчего же он в статском платье?

– Даже полковник. А в статском платье оттого, что им здесь в военной форме гулять не велено. Как за границу выехал – сейчас препона. Переодевайся в пиджак.

– Скажите, а я и не знала.

– Не велено, не велено. До границы едет в форме, а как на границе – сейчас и переодевается. А как им трудно к статскому-то платью привыкать! Вот и наш тоже. Одевается и говорит: «Словно мне это самое статское платье – корове седло». Подашь ему пиджак, шляпу, перчатки, палку, а он забудется да и ищет шашку, чтобы прицепить.

– Ах, и ваш знакомый граф тоже военный?

– Генерал-с.

– Вы с ним вместе живете, должно быть?

– Да-с, по соседству. Вы это насчет пиджака-то? Из учтивости я иногда... Почтенный генерал, так как ему не помочь одеться! – сказал Капитон Васильевич. – А вот и еще русский идет. А вон русский сидит на скамейке. Здесь ужаси сколько русских, а только они не признаются, что русские, коли кто хорошо по-французски говорит.

– Отчего же?

– Да разное-с... Во-первых, чтобы в гостиницах дорого не брали. Как узнают, что русский, сейчас все втридорога – ну и обдерут. А во-вторых, из-за того не признаются, чтобы свой же земляк денег займа не попросил. Вот и еще русский с женой идет.

– Однако у вас здесь много знакомых, – заметила Глафира Семеновна. – Только отчего вы с ними не кланяетесь?

– Из-за этого самого и не кланяемся. Он думает, как бы я у него денег не попросил, а я думаю, как бы он у меня денег не попросил. Так лучше. А что я перед вами – то русским обозначился, то это из-за того, что мне ваши физиономии очень понравились, – рассказывал Капитон Васильевич.

– Мерси, – улыбнулась ему Глафира Семеновна. – А насчет денег будьте покойны, мы у вас их не просим.

На бульваре Promenade des Anglais были построены деревянные места со стульями и ложами, обращенными к конному проезду. На досках на видных местах были расклеены громадные афиши.

– Это что такое? Здесь какое-то представление будет? – спросила Глафира Семеновна.

– То есть оно не представление, а особая забава. Цветочная драка, – отвечал Капитон Васильевич.

– Как драка? – удивленно в один голос спросили все его спутники.

– Точно так-с... Драка... Цветами друг в друга швырять будут. Одни поедут в колясках и будут швырять вот в сидящих здесь на местах, а сидящие на местах будут в едущих запаливать. Так и будут норовить, чтоб посильнее в физиономию личности потрафить. Фет де прентам это по-ихнему называется и всегда бывает в посту на середокрестной неделе. По-нашему середокрестная неделя, а по-ихнему микарем. Советую купить билет и посмотреть. Это происшествие завтра будет.

– Непременно надо взять билеты, – заговорила Глафира Семеновна. – Николай Иваныч, слышишь?

– Возьмем, возьмем. Как же без этого-то! На то ездим, чтоб все смотреть. Цветочная драка – это любопытно.

– Драку я всякую люблю. Даже люблю смотреть, как мальчишки дерутся, – прибавил Конурин. – Где билеты продаются?

– Да вот касса. Я сам нарочно для этого приехал сюда в Ниццу. Меня просили взять четыре первых места, – сказал Капитон Васильевич.

– Ах, и вы будете! Вот и возьмем места рядом... – заговорила Глафира Семеновна.

– Нет, сам я не буду. Самому мне нужно завтра по делам к одному... посланнику. А я для графа. Граф просил взять для него четыре кресла. Человек почтенный, именитый... Отчего не угодить?

– Ах, как это жаль, что вы не будете! Послушайте, приезжайте и вы... Ну, урвитесь как-нибудь... – упрашивала Капитона Васильевича Глафира Семеновна.

– Не могу-с... К посланнику мне зарез... Непременно нужно быть. Да и видел уж я это происшествие в прошлом году. А вы посмотрите. Очень любопытно. Иной так потрафит букетом в физиомордию, что даже в кровь...

– Да что вы!

– Верно-с. Потом ряженные в колясках будут ездить. Этот в масках, этот весь в муке и в белом парике, кто чертом одевшись, а дамы нимфами.

– Стало быть, даже и маскарад? Ах, как это любопытно! И вы не хотите приехать!

– Посланник турецкий будет ждать. Согласитесь сами, такое лицо... Но ежели уже вам такое удовольствие, то я могу с вами послезавтра в настоящем маскараде увидеться. Послезавтра здесь будет маскарад в казино... Уже тот маскарад настоящий, в зале. И все обязаны в белом быть.

– Позвольте, позвольте... Да как же это у них маскарады в пост! – перебил его Конурин. – Ведь в посту маскарадов не полагается.

– У них все наоборот. Как пост – тут-то ихнее пляскобесие и начинается. А карнавал-то здесь был... Господи боже мой! По всем улицам народ в масках бегал. Целые колесницы по улицам с ряжеными ездили. Как кто без маски на улицу покажется – сейчас в него грязью кидают. Не смей показываться.

– А как же граф-то ваш знакомый?

– Сунулся раз на улицу без маски – нос расквасили. Тут уж когда народ маскарадный вопль почувствует, ему все равно: что граф, что пустопорожняя личность.

– Да неужели? Ах, какие порядки! И все в масках?

– Все, все.

– Жена моя ни за что бы маску не надела, – проговорил Конурин, вынул часы и стал смотреть на них. – Однако, господа, уж адмиральский час. Пора бы и червячка заморить, – прибавил он.

– Дежене? Авек plezier, – ответил Капитон Васильевич. – Вот только билеты возьмем, да и пойдемте завтракать.

Билеты на места взяты.

– А куда пойдем завтракать? Где здесь ресторан? – спрашивал Конурин.

– Лучше на сваи идти! Вот в этот ресторан, что на сваях выстроен, и пойдемте. До сих пор все на земле да на земле пили и ели, а теперь для разнообразия на воде попробуем, – отвечал Николай Иванович.

Компания отправилась в ресторан на Jetté Promenade.

Водкопитие

Свайное здание, куда направилась компания завтракать, было и внутри величественно и роскошно. Оно состояло из зала в мавританском стиле, театра с ложами и ресторана, отделанного в китайском вкусе. Везде лепная работа, позолота, живопись. Ивановы и Конурин с большим любопытством рассматривали изображения на стенах и на плафоне.

– А уж и трактиры же здесь за границей! Восторг... – произнес Конурин в удивлении. – Москва славится трактирами, но куда Москве до заграницы!

– Есть ли какое сравнение! – ответил Николай Иванович. – Странно даже и сравнивать. Москва – деревня, а здесь европейская цивилизация. Ты посмотри вот на эту нимфу... Каков портретик! А вот эти самые купидоны как пущены!

– Да уж что говорить! Хорошо.

– Вот видите, а сами все тоскуете, что за границу с нами поехали, – вставила свое слово Глафира Семеновна, обращаясь к Конурину. – Тоскуете да все нас клянете, что мы вас далеко завезли. Уж из-за одних трактиров стоит побывать за границей.

– Помещения везде – уму помраченье, ну а еда в умалении. Помилуйте, ездим, ездим по заведениям, по восьми и десяти французских четвертаков с персоны за обеды платили, а нигде нас ни щами из рассады не попотчевали, ни кулебяки не поднесли. Даже огурца свежесольного нигде к жаркому не подали. А об ухе я уж и не говорю.

– Французская еда. У них здесь этого не полагается, – отвечала Глафира Семеновна.

– Ну а закуски отчего перед обедом нет?

– Как нет? В «Гранд-отель» в Париже мы завтракали, так была подана на закуску и колбаса, и сардинки, и масло, и редиска...

– Позвольте... Да разве это закуска? Я говорю про закуску, как у нас в хороших ресторанах. Спросишь у нас закуску – и тридцать сортов тебе всякой разности несут. Да еще, помимо холодной-то закуски, форшмак, сосиски и печенку кусочками подадут, и все это с пылу с жару. Нет, насчет еды у нас лучше.

Разговаривая, компания уселась за столиком. Гарсон с расчесанными бакенбардами, с капюлем на лбу, в куртке, в белом переднике до полу и с салфеткой на плече давно уже стоял в вопросительной позе и ждал приказаний.

– Катр дежене... – скомандовал ему Капитон Васильевич.

– Oui, monsieur. Quel vin désirez-vous?

Было заказано и вино, причем Капитон Васильевич прибавил:

– Е оде'вы рюс.

– Vodka russe? Oui, monsieur... – поклонился гарсон.

– Да неужели водка здесь есть? – радостно воскликнул Николай Иванович.

– Есть. Держут. «Вдову Попову» сейчас подадут.

– Ну, скажи на милость, а мы в Париже раза три русскую водку спрашивали – и нигде нам не подали. Так потом и бросили спрашивать. Везде коньяком вместо водки пробавлялись.

– То Париж, а это Ницца. Здесь русских ступа непротолченная, а потому для русских все держат. В ресторане «Лондон-Хаус» можете даже черный хлеб получить, икру свежую, семгу. Водка русская здесь почти во всех ресторанах, – рассказывал Капитон Васильевич.

Конурин просиял и даже перекрестился от радости.

– Слава Богу! Наконец-то после долгого поста русской водочки хлебом, – сказал он. – А я уж думал, что до русской земли с ней не увижусь.

– Есть, есть, сейчас увидите, но только за нее дорого берут.

– Да ну ее, дороговизну! Не наживать деньги сюда приехали, а проживать. Только бы дали.

– Вон несут бутылку.

– Несут! Несут! Она, голубушка... По бутылке вижу, что она!

Конурин весело потирал руки. Гарсон поставил рюмки и принялся откупоривать бутылку.

– А чем закусить? – спрашивал собеседников Капитон Васильевич. – Редиской, колбасой?

– Да уж что тут о закуске рассуждать, коли до водки добрались! Первую-то рюмку вот хоть булочкой закусим, – отвечал Конурин, взяв в руку рюмку. – Голубушка, русская водочка, две с половиной недели мы с тобой не виделись. Не разучился ли уж я и пить-то тебя, милую? – продолжал он.

– Что это вы, Иван Кондратыч, словно пьяница приговариваете, – оборвала его Глафира Семеновна.

– Не пьяница я, матушка, а просто у меня привычка к водке... Двадцать лет подряд я без рюмки водки за стол не садился, а тут вдруг выехал за границу и препона. Вот уж теперь за эту водку с удовольствием скажу: вив ля Франс!

Мужчины чокнулись друг с другом и выпили.

– Нет, не разучился пить ее, отлично выпил, – сказал Конурин, запихивая себе в рот кусок белого хлеба на закуску и стал наливать водку в рюмки вторично. – Господа! Теперь за ту акулу выпьемте, что мы видели давеча на берегу. Нужно помянуть покойницу.

Гарсон между тем подал редиску, масло и колбасу, нарезанную кусочками. Водкопитие было повторено. Конурин продолжал бормотать без умолку:

– Вот уж я теперь никогда не забуду, что есть на свете город Ницца. А из-за чего? Из-за того, что мы в ней нашу русскую, православную водку нашли. Господа! По третьей? Я третью рюмку наливаю.

Собеседники не отказывались.

Гарсон подал омлет.

– Неси, неси, господин гарсон, назад! – замахал руками Конурин.

– Отчего? Ведь это же яичница, – сказал Капитон Васильевич.

– Знаем! В Париже нам в эту яичницу улиток зажарили. Да еще хорошо, что яичница-то, кроме того, была и незажаренными улитками в раковинах обложена, так мы догадались.

– Что вы, помилуйте, да это простая яичница с ветчиной. Видите, красная копченая ветчина в ней, – пробовал разубедить Конурина Капитон Васильевич.

– А кто поручится, что это не копченая лягушка? Нет, уж я теперь дал себе слово за границей никакой смеси не есть.

– И я не буду есть, – отрицательно покачала головой Глафира Семеновна, сделав гримасу. Ели только Николай Иванович и Капитон Васильевич.

– Ведь это ты назло мне ешь, Николай Иваныч, – сказала ему жена.

– Зачем назло? Просто из-за того, чтобы цивилизации подражать. За границей надо все есть.

Вторым блюдом была подана рыба под соусом. Глафира Семеновна опять сделала гримасу и не прикоснулась к рыбе. Не прикоснулся и Конурин, сказав:

– Кусочки и под соусом. Не видать, что ешь. Кто ее ведает, может быть, это акула, такая же акула, как давеча на берегу показывали.

– Да полноте вам... Это тюрбо... Самая хорошая рыба, – уговаривал их Капитон Васильевич, но тщетно.

– Нет, нет, не буду я есть. Водки я с вами выпью, но закушу булкой, – сказал Конурин.

– А хоть бы и на самом деле акула? – проговорил Николай Иванович. – Я из-за заграничной цивилизации готов даже и кусок акулы есть, коли здесь все ее едят.

И он придвинул к себе блюдо.

Кончилось тем, что Глафира Семеновна и Конури́н ели за завтраком только ростбиф, сыр и фрукты. Конури́н, покрасневший от выпитой водки, говорил:

– Только аппетит себе разбередил, а сытости никакой. А уж с каким бы я удовольствием теперь порцию московской селянки на сковородке съел, так просто на удивление! Хороша Ницца, да не совсем. Вот ежели бы к водке и селянка была – дело другое. Нет, пожалуй, не стоит и запоминать, что есть такой город – Ницца.

– Забудь ее, забудь, – говорил ему Николай Иванович.

Компания смеялась.

Восьмой выиграл

Выпив рюмок по пяти русской водки и по бутылке вина, мужчины раскраснелись, развеселились и, шумно разговаривая, начали уходить из ресторана.

– Почем за водку взяли? – спросила Глафира Семеновна.

– По французскому четвертаку за рюмку, – отвечал Конурин. – Вот оно, как нашу родную, российскую водочку здесь ценят.

– Стоит пить! Ведь это ежели на наши русские деньги, то по сорок копеек. А между тем здесь хороший коньяк по двадцати пяти сантимов за рюмку продается.

– Коньяк или простая русская водка, барынька! Перед едой ежели, то лучше нашей очищенной никакого хмельного товара не сыщешь.

– Да ведь вы рубля на два каждый, стало быть, водки- то выпили! Вот тоже охота!

– Эх, где наша не пропадала! – махнул рукой Конурин. – Зато нашу матушку-Русь вспомняли. Да и что тут считать! Считать нехорошо. Через это, говорят, люди сохнут.

Проходя по залу, они заметили расставленные столы и группировавшуюся около них публику.

– Это что такое смотрят? Уж опять какого-нибудь зверя не показывают ли? – спросил Николай Иванович Капитона Васильевича.

– А вот тут для вас может быть интересно, ежели хотите попытать счастья. Тут игра в лошадки и в железную дорогу.

– Как игра в лошадки? – воскликнул Конурин.

– Очень просто. По-здешнему это называется «рень», скачки, ну а наши русские зовут игрой в лошадки. Да вот посмотрите. Два франка поставишь – четырнадцать можешь взять.

– Рулетка? – спросили хором Конурин и супруги Ивановы.

– Нет, не рулетка, настоящая рулетка в Монте-Карло, а здесь на манер этого. Тоже для того устроено, чтобы с публики деньги выгребать. На лошадках приезжие обыкновенно приучаются к настоящей рулетке, ну а потом на ней же и кончают, когда в рулетку профершиплятся. В рулетке меньше пяти франков ставки нет, а здесь в игре в лошадки два франка ставка, а в железную дорогу так даже и последний франк принимают. Клади – и будь счастлив, кроме осетра и стерляди, – рассказывал Капитон Васильевич, подводя к столу.

На круглом зеленом столе, огороженном перилами, вертелись восемь металлических лошадок с такими же жокеями, прикрепленными к стержню посередине, они приводились в движение особым механизмом. Механизм каждый раз заводил находившийся при столе крупье с закрученными усами. Другой крупье, гладкобритый и с красным носом, обходил с чашечкой стоящую вокруг публику и продавал билеты с номерами лошадей и взимал по два франка с каждого взявшего билет.

– Вот так штука! – произнес Конурин. – Как же тут играют-то?

– А вот берите сейчас билет за два франка, тогда узнаете, – отвечал Капитон Васильевич.

– Что же, можно попробовать. Будто бы на два франка две рюмки очищенной проглотил. Эй, мусью! Сюда билет. Вот два четвертака!

Крупье с красным носом принял от Конурина в чашечку два франка и дал ему билет.

– Четвертый номер, – сказал Конурин, развертывая билет. – Это что же, земляк, обозначает?

– А вот сейчас завертят машину, побегут лошадки, и ежели лошадка под номером четвертым остановится, опередивши всех остальных, то вы четырнадцать франков выиграете, – отвечал Капитон Васильевич.

Механизм заведен. Лошадки побежали, обгоняя одна другую. Конурин и супруги Ивановы внимательно следили за бегом. Вот лошадки остановились.

– Sept! – воскликнул усатый крупье.

– Это что же обозначает? – задал вопрос Конурин Капитону Васильевичу.

– Седьмой номер выиграл. Лошадь под номером седьмым первая пришла.

– А я?

– А вы проиграли со своим четвертым номером.

Конурин сделал гримасу и привстал.

– Вот тебе и здравствуй! На два французских четвертака уж умыли купца, – проговорил он. – Что же теперь делать?

– Отходить прочь или вынимать еще два франка и отыгрываться.

– Надо попробовать отыграться. Была не была. Будто четыре рюмки водки выпил. Вот еще два франка. Мусью! Как вас? Эй, красный нос! Давай сюда еще билет! – поманил к себе Конурин крупье с красным носом.

Лошадки опять забегали и остановились.

– Quatre! – объявил опять усатый крупье.

– Четвертый номер выиграл, – перевел Капитон Васильевич. – А у вас, земляк, какой номер?

– Фу-ты, чтоб тебе провалиться! А у меня пятый. На четыре четвертака умыл купца. Надо еще попробовать. Не пропадать же моим четырем четвертакам. Красный нос! Комензи... Еще билет.

Конурин проиграл и в этот раз.

– Что ж это такое! Опять проигрыш! – восклицал он. – На шесть четвертаков уж мне полушубок вычистили. Ловко! Нет, так нельзя оставить. Надо отыгрываться. Весь полк переморю, а добьюсь, что за болезнь! Билет, мусью! Поворачивайся. Да нельзя ли разменять золотой?

– А вот та дама с челкой на лбу два раза подряд до четырнадцати франков выиграла, – указала ему Глафира Семеновна. – Вот счастье-то!

– Что мне за дело до дамы с челкой, матушка. Я знаю, что вот меня не пито не едено уж на шесть четвертаков наказали.

Снова забегали лошадки и остановились.

– Ну что? – бросилась Глафира Семеновна к Конурину, стоявшему с развернутым билетом и смотревшему на свой номер.

В ответ тот плюнул:

– Тьфу ты пропасть! У меня третий номер, а выигрывает второй. Восьми четвертаков уж нет. Но нельзя отставать. Не бросать же им зря деньги... Мусью! Гебензи!

– Да что вы по-немецки-то! Здесь ведь французы.

– Поймет. На свинячьем поймет, коли видит, что деньги можно взять.

Опять проигрыш.

– Ну что ж это такое! Маленького золотого уж не досчитываюсь! – воскликнул Конурин. – Неужто до большого золотого добивать?

– Давайте, земляк, пополам ставить. Вы франк, и я франк. Авось на два счастья лучше будет, – предложил ему Капитон Васильевич.

– Ходит. Вот франк. Но все-таки я для себя и отдельный билет возьму.

– А дамам положительно счастье, – сказала Глафира Семеновна. – Вот сейчас и другая дама взяла четырнадцать франков. На два франка четырнадцать франков, что ж, ведь это двенадцать франков барыша. Это совсем хорошо. Я, Николай Иваныч, тоже хочу попробовать сыграть, ежели здесь такое счастье дамам. А трудности в игре ведь тут никакой. Дай-ка мне несколько франков.

– Вот тебе франковый пятак.

И Николай Иванович подал жене серебряную пятифранковую монету.

– Билье! Доне муа ле билье! – кричала крупье Глафира Семеновна.

Билет взят. Лошадки завертелись. Глафира Семеновна проиграла. Поодаль от нее чертыхался Конурин. Он тоже проиграл.

– Нет, здесь положительно подсадка! – говорил он. – Дама выиграла! Дама! А почему я знаю, какая это дама? Может быть, это дама своя, подсаженная. Да подсаженная и есть. Вон она перемигивается с красным носом, который билеты продает.

Игра продолжалась. К выданным ей пяти франкам Глафира Семеновна взяла уже у мужа еще франк на билет.

– Ведь вот что удивительно! Как только я начала играть – сейчас мужчины стали выигрывать. Вот незадача- то! – бормотала она мужу, принимая от крупье третий билет.

– Положительно здесь карманная выгрузка и больше ничего. Просто дураков ищут, – поддакнул ей тот и прибавил: – погоди, вот на пробу и я возьму себе билет. Мусье! Мусье! Анкор билье!

Лошадки завертелись и остановились.

– Huit! – раздался возглас у стола.

Глафира Семеновна глядела в свой развернутый билет и вдруг вскрикнула:

– Выиграла! Выиграла! Николай Иваныч! Я выиграла! Вит! Восьмой! У меня номер восьмой! Опять счастье к дамам перешло!

И она замахала перед крупье своим билетом. Крупье подошел к ней и стал отсчитывать четырнадцать франков.

Железная дорога

– На два золотых выпотрошили! Довольно. У денег глаз нет. Этак продолжать, так можно и всю свою требуху проиграть, – сказал Конурин, отходя от игры в лошадки.

– И меня на восемь франков намазали, – прибавил Николай Иванович. – Для первого раза довольно.

– Для первого раза! Нет, уж меня больше и калачом к этим лошадкам не заманишь. Два золотых! Ведь это шестнадцать рублей на наши деньги.

– В стуколку же дома больше проигрывал.

– Стуколка или лошадки! Какое сравнение! Там игра основательная, настоящая, а здесь какая-то детская забава. Нет, черт с ней... Пусть ей ни дна ни покрывки. За вами, земляк, двенадцать франков. Вы двенадцать раз со мной в долю шли, – обратился Конурин к Капитону Васильевичу.

– С удовольствием бы сейчас отдал, но, знаете, я сегодня приехал сюда без денег, – отвечал тот. – То есть взял денег только на покупку билетов в места на завтрашний праздник и на проезд по железной дороге. Уж вы извините... Я при первой встрече отдам: и за проигрыш отдам, и за завтрак отдам. Сколько с меня приходится за завтрак? Сколько вы заплатили, Николай Иваныч?

– Завтрак что! Это уж от нас для первого знакомства. Стоит ли о таких пустяках разговаривать, – отвечал тот.

– Но позвольте... Дружба дружбой, а табачок врознь. Нет, я вручу вам при первом свидании или, даже еще лучше, привезу в гостиницу. Вы где остановились?

– Обидите, ежели привезете. Да я и не приму. Помилуйте, я рад-радешенек, что на чужбине с русским человеком встретился, и вы вдруг не хотите моего хлеба-соли откусать! Бросьте и не вспоминайте об этом.

– Ну, мерси.

– Глаша! А ты что сделала в лошадки? – обратился Николай Иванович к жене.

– Вообрази, я два франка выиграла. Нет, мне положительно надо играть. Да и вообще я заметила, что здесь дамам счастье. Ведь вот эта накрашенная с челкой на лбу куда больше пятидесяти франков выиграла. Надо играть, надо. Впрочем, вечером мы сюда еще придем.

– Вечером идите в казино, – дал совет Капитон Васильевич.

– А что такое казино?

– Тоже такое зало, где играют в лошадки и в железную дорогу. Кроме того, там концерт, поют, играют. Это прелестный зимний сад казино... Это недалеко отсюда... Это где гостинный двор, где лавки и вы, наверное, уже проходили мимо, когда сюда шли. Можете кого угодно спросить, и всякий укажет. Запомните: казино.

– Да нечего и запоминать. Я и так знаю. Мы тоже в казино были в Париже на балу и стриженной бумагой бросались. Вот, Капитон Василыч, был бал-то интересный! Бал в честь Красного носа. Посредине зала висел красный нос аршина в три, и вся публика была с красными носами. А дамы там во время танцев выше головы ноги задирают... – рассказывала Глафира Семеновна.

– Знаю, знаю, – отвечал Капитон Васильевич. – И здесь такие балы бывают. А танцы эти – канкан называются.

– Вот, вот... Конечно, в Петербурге на эти танцы замужней даме было бы неприлично и стыдно смотреть, потому что сами знаете, какие это женщины так танцуют, но здесь, за границей, кто меня знает? Решительно никто. И кроме того, я не одна, я с мужем.

Компания отошла от стола, где играли в лошадки.

– Ну-с, куда же мы теперь стопы свои направим? – спрашивал Николай Иванович.

– Да ведь вы еще не видали второго стола, где играют в железную дорогу, – отвечал Капитон Васильевич. – Та игра куда занятнее будет. Вон стол стоит.

– Нет, нет! Ну ее к лешему эту игру! – замахал руками Конурин. – Уж и так я просолил два золотых, а подойдешь со второму столу, так и еще три золотых прибавишь.

– Да ведь только посмотреть, как играют.

– Ладно! На эти два золотых, что я здесь сейчас проиграл, у меня жена дома могла бы четыре пуда мороженой судачины себе на заливное купить.

– Однако, Иван Кондратьич, мы ведь затем и за границу приехали, чтобы все смотреть, что есть любопытного, – сказала Глафира Семеновна.

– Знаю я это смотрение-то! А подойдешь – сердце не камень.

– Ну, мы вдвоем с Николаем Ивановичем пойдем и посмотрим, а вы не подходите. Пойдем, Николай Иванович, пойдемте, Капитон Васильевич.

– С удовольствием.

Капитон Васильевич ловко предложил Глафире Семеновне руку, и они почти бегом перебежали на другой конец залы, где за зеленым столом шла игра в железную дорогу.

– Ужасно серый человек этот ваш знакомый купец... – шепнул он ей про Конурина. – Самое необразованное невежество в нем. Игру вдруг с судачиной сравнивает.

– Ужас, ужас... – согласилась с ним та. – Мы его взяли с собой за границу и уж каемся. Никан он не может отполироваться. Самый серый купец.

– Однако вы и сами купеческого звания, как вы мне рассказывали, но, ей-ей, давеча я вас за графиню принял. Так и думал, что какая-нибудь графиня.

– Мерси вам, – улыбнулась Глафира Семеновна, кокетливо закатила глазки и крепко пожала Капитону Васильевичу руку. – Я совсем другого закала, я в пансионе у мадам Затравкиной училась, и у меня даже три подруги были генеральские дочери.

– Вот, вот... Я гляжу и вижу, что у вас совсем другая полировка, барская полировка, дворянская.

Они подошли к столу. Их нагнал Николай Иванович. Иван Кондратьевич хоть и говорил, что не пойдет смотреть, как играют в железную дорогу, но очутился тут же. Стол этот был длиннее и больше. Посредине его был устроен механизм, где по рельсам бегал маленький железнодорожный поезд с локомотивом и несколькими вагонами. Рельсы составляли круг, и от центра этого круга шли радиусы, внутри которых были надписи: «Париж, Петербург, Берлин, Рим, Лиссабон, Лондон, Вена». Кроме того, промежутки радиусов были разделены еще на несколько частей, которые обозначались номерами. По бокам круга зеленое сукно было разграфлено на четырехугольники, а в этих четырехугольниках были написаны те же города, что и на круге. Были и четырехугольники с надписями на французском, разумеется, языке: «чет, нечет, белая, красная». В четырехугольники играющие и ставили свои ставки. У рельсового круга, где бегал поезд, сидели два крупье: один приводил механизм поезда в движение, другой собирал проигранные ставки и выдавал выигравшим деньги. Перед ним длинными колбасками лежали сложенные серебряные франковые, двухфранковые и пятифранковые монеты.

– Это что за Иуда такой сидит со сребренниками?... – спросил Иван Кондратьевич над самым ухом Капитона Васильевича.

– А это крупье – кассир. Он банк держит.

– Совсем Иуда. Даже и рожа-то рыжая.

– Эта игра много интереснее, – рассказывал Капитон Васильевич. – Во-первых, вы здесь можете ставить, начиная от одного франка.

– Стало быть, всякое даяние благо. Все возьмут, что дураки поставят, – пробормотал Конурин.

– Во-вторых, и ставка разнообразнее. Можете ставить на какой вам угодно город: на Париж, на Петербург, на Лондон, потом можете ставить на пер или энпер, то есть по-нашему на чет или на нечет и, кроме того, на красное или на белое.

– Ах, это очень интересно! – воскликнула Глафира Семеновна. – Николай Иваныч, ты понял? Эта игра много любопытнее, чем игра в лошадки.

– Надо хорошенько посмотреть, матушка, тогда я и дойду до точки, – дал он ответ.

– *Faites vos jeux, messieurs et mesdames!* – воскликнул крупье мрачным голосом и при этом сделал самое серьезное лицо.

В четырехугольники посыпались франковики, двух- и пятифранковики.

Другой крупье тронул шалнер механизма и пустил поезд в ход. Поезд забегал по рельсам.

– Постойте, я куда-нибудь франк поставлю! – проговорила Глафира Семеновна и протянула к столу руку с монетой.

Крупье заметил ее жест и, протянув лопаточку на длинной палке, чтобы отстранить ставку, закричал:

– *Rien ne va plus!*

– Отчего он моей ставки не принимает? – удивленно спросила Глафира Семеновна.

– Нельзя теперь. Поезд останавливается. В следующий раз поставите, – отвечал Капитон Васильевич.

Поезд остановился на Лиссабоне.

Ставка на Пошехонский уезд

У игорного стола опять возглас крупье:

– Faites votre jeu!..

– Ставьте, ставьте скорей! – сказал Капитон Васильевич Глафире Семеновне.

– А на какой город мне поставить? – спросила его она.

– Погодите покуда ставить на город. Поставьте сначала на чет или нечет.

– Ну, я на нечет. Я одиннадцатого числа родилась.

Глафира Семеновна бросила франк на *impaire*. Поезд на столе завертелся и остановился.

– Paris, rouge et *impaire*! – возглашал крупье.

– Берите, берите... Вы выиграли, – заговорил Капитон Васильевич.

– Да неужели? Ах, как это интересно! Николай Иванович, смотри, я с первого раза выиграла.

– Цыплят, матушка, осенью считают, – отвечал Николай Иванович.

Крупье бросил к франку Глафиры Семеновны еще франк.

– Я хочу поставить два франка, – сказала она Капитону Васильевичу. – Что ж, ведь уж второй франк выигранный. Можно?

– Да конечно же можно.

– Только я теперь на чет, потому что именинница я бываю 26 апреля.

Она передвинула два франка на *paire* – и опять выиграла. Крупье бросил ей два франка.

– Николай Иваныч, я уж три франка в выигрыше. Можно теперь на город поставить? – обратилась она к Капитону Васильевичу.

– Ставьте. Теперь можно, но только не больше франка ставьте.

– А на какой город?

– А на какой хотите. Поставьте на Петербург. Петербург давно не выходил.

– Отлично. Я в Петербурге родилась. Это моя родина.

– Ну а другой франк поставьте на чет.

Сказано – сделано. Поезд забежал по рельсам и остановился. Глафира Семеновна проиграла на Петербург и выиграла на чет.

– Вничью сыграли. Продолжайте ставить на Петербург по франку, – советовал Капитон Васильевич, – а на чет поставьте два франка.

Опять выигрыш на чет и проигрыш на Петербург.

– Николай Иваныч! Я четыре франка выиграла.

– Ставьте, ставьте на Петербург, не бойтесь. Поставьте даже два франка, – слышался совет, и на этот раз не был напрасным.

– Pétersbourg! – возгласил крупье, управляющий механизмом стола.

Другой крупье набросал Глафире Семеновне изрядную грудку франковиков.

– Николай Иваныч! Смотри, сколько я выиграла!

– Тьфу ты пропасть! Ведь есть же счастье людям! – воскликнул Иван Кондратьевич.

– Ставьте, ставьте скорей. Ставьте на Берлин, – подталкивал Глафиру Семеновну Капитон Васильевич.

– Ну, на Рим. Рим тоже давно не выходил.

Поезд забежал.

– Стой! Стой! – закричал Конурин во все горло, так что обратил на себя всеобщее внимание. – Мусье! Есть тут у вас Пошехонье? На Пошехонский уезд ставлю!

Он протянул два франка.

– Rien ne va plus! – послышался ответ, и крупье отстранил его руку лопаточкой на длинной палке.

– Земляк! Чего он тыкает палкой? Я хочу на Пошехонский уезд, – обратился Конурин к Капитону Васильевичу. – Где Пошехонье?

– Да нет тут такого города, и наконец, уже игра началась.

– Отчего нет? Обязаны иметь. Углича нет ли?

– Понимаешь ты, здесь только европейские города, города Европы, – пояснил ему Николай Иванович.

– Ну, на Европу. Где тут Европа, мусью?

– Да ведь ты не хотел играть, даже к столу упрямылся подходить.

– Чудак-человек! За живое взяло. Я говорил, что сердце не камень. И наконец, выигрывают же люди. Где тут Европа?

– Николай Иваныч! Я еще четыре франка на нечет выиграла! – раздался голос Глафиры Семеновны.

– На Европу! – кричал Конурин. – Вот три франка!

– Да нет тут Европы. Есть Петербург, Москва, Лондон, Рим.

– Рим? Это где папа-то римский живет?

– Ну да. Вот Рим.

– Вали на папу римскую! Папа! Выручай, голубушка! На твое счастье пошло! – бормотал Конурин, когда поезд забегал по рельсам.

– Москва! Я выиграла на Москву! – радостно вскрикнула Глафира Семеновна.

Крупье опять придвинул к ней грудку серебра. Конурин чертыхался:

– И папа римская не помог! Вот игра-то, черт ее задави, чтоб ей ни дна ни покрывки!

– Нельзя же, Иван Кондратьич, с первого раза взять. Надо иметь терпение, – сказала ему Глафира Семеновна.

– Вы же с первого раза выиграли. И с первого, и с третьего, и с седьмого...

– Тьфу, тьфу, тьфу! Пожалуйста, не сглазьте. Чего это вы?.. Типун бы вам на язык.

– Земляк! Нет ли здесь какого-нибудь мухоеданского города? Я на счастье мухоеданского мурзы бы поставил, коли на папу римского не выдрало. Или нет. Глафира Семеновна на что поставила... На что она, на то и я.

И Конурин бросил в тот же четырехугольник, где стояла ее ставка, пятифранковую монету.

– Не смейте этого делать! Вы мне мое счастье испортите! Николай Иваныч! Сними! Послушайте, ведь это же безобразие! Вы никакого уважения к даме не имеете! Ну хорошо! Тогда я переставлю на другой город.

Она протянула руку к своей ставке, но поезд уже остановился.

– Londres! – возгласил крупье и стал пригребать к себе лопаточкой и ставку Глафиры Семеновны, и ставку Конурина.

– Ведь это же свинство! Я прямо через него проиграла. Позвольте, разве здесь дозволяется на чужое счастье ставить? – раздраженно бормотала Глафира Семеновна.

Конурин чесал затылок.

– Поставлю в какой-нибудь турецкий город на счастье мухоеданского мурзы, и ежели не выдерет – лицом не стану даже оборачиваться к этим проклятым столам, – говорил он. – Как турецкий-то город называется?

– Константинополь, – подсказал Николай Иванович.

– Ставлю на Константинополь пятерку. Мусье! Где Константинополь?

– Постой. Поставлю и я серебряный пятак. Константинополь!

Николай Иванович кинул на стол пятифранковую монету. Капитон Васильевич пошарил у себя в жилетном кармане, ничего не нашел и сказал Глафире Семеновне:

– Позвольте мне, сударыня, пять франков взаймы. Хочу и я на нечет поставить. При первом свидании отдам. Или нет... Дайте лучше для ровного счета десять франков.

Она дала. Играли все, но выиграла только она одна три франка на чет и, сказав «довольно», отошла от стола.

– Сколько выиграла? – спросил ее муж.

– Можешь ты думать: восемьдесят семь франков! Нет, мне непременно надо играть! Завтра же поедem в Монте-Карло. Я в рулетку хочу пуститься. Иван Кондратьич, вы сколько проиграли?

Вместо ответа, тот сердито махнул рукой.

– Пропади она пропадом, эта проклятая игра! – выбранился он.

Не набережная, а – тьфу!

Супруги Ивановы и Конурин, может быть, еще и дольше играли бы в азартные игры у столов, тем более что, кроме испытанных уже ими лошадок и железной дороги, имелась еще игра в покатый бильярд, но Капитон Васильевич, взглянув на часы, заторопился на поезд, чтобы ехать домой. Он стал прощаться.

– Надеюсь, что еще увидимся... – любезно сказала ему Глафира Семеновна. – Мы в Ницце пробудем несколько дней.

– Непременно, непременно. Я приеду к вам в гостиницу. Ведь я должен вам отдать свой долг. Я даже познакомлю вас с одним графом. О, это веселый, разбитной человек!

– Пожалуйста, пожалуйста... Знаете, за границей вообще так приятно с русскими... Послушайте, Капитон Васильевич, да вы сами не граф? – спросила его Глафира Семеновна.

– То есть как сказать... – улыбнулся он. – Меня многие принимают за графа... Но нет, я не граф, хотя у меня очень много знакомых князей и графов. Итак, мое почтение... Завтра я не могу быть у вас, потому что я должен быть у посланника.

– Да мы завтра и дома не будем... Завтра мы едем в Монте-Карло. Ведь вы говорите, что это так не далеко, все равно что из Петербурга в Павловск съездить, а я положительно должна и там попробовать играть. Вы видите, как мне везет. Ведь я все-таки порядочно выиграла. Что ж, в Монте-Карло я могу еще больше выиграть. Вы говорите, что в Монте-Карло игра гораздо выгоднее и уж ежели повезет счастье, то можно много выиграть?

– Но зато можно и проиграть много.

– А вот те деньги, что сегодня выиграла, я и проиграю. Теперь я с запасом, теперь я, в сущности, ничем не рискую. Так до свидания. Завтра мы в Монте-Карло.

– Как мы, матушка, можем быть завтра в Монте-Карло, если мы взяли на завтра билеты, чтоб эту самую драку на бульваре смотреть, где цветами швыряться будут, – вставил свое слово Николай Иванович.

– Ах да... И в самом деле. Ну, в Монте-Карло послезавтра, – отвечала Глафира Семеновна.

– Зачем послезавтра? Да вы и завтра после цветочного швыряния в Монте-Карло можете съездить, успеете, – сказал Капитон Васильевич. – Цветочное швыряние начнется в два часа дня. Ну, час вы смотрите на него, а в четвертом часу и отправляйтесь на железную дорогу. Поезда ходят чуть не каждый час. Еще раз кланяюсь.

Разговаривая таким манером, они очутились на бульваре. Капитон Васильевич пожал всем руки, как-то особенно томно повел глазами перед Глафирой Семеновной и зашагал от них.

– Ах, какой прекрасный человек! – сказала Глафира Семеновна, смотря ему вслед. – Николай Иваныч, не правда ли?

– Да кто ж его знает, душечка... Ничего... Так себе... А чтобы узнать, прекрасный ли он человек, так с ним прежде всего нужно пуд соли съесть.

– Ну, уж ты скажешь... Ты всегда так... А отчего? Оттого что ты ревнивец. Будто я не заметила, каким ты на него зверем посмотрел после того, когда он взял меня под руку и повел к столу, где играют в поезда.

– И не думал, и не воображал...

– Пожалуйста, пожалуйста... Я очень хорошо заметила. И все время на него косился. Когда он со мной у стола тихо разговаривал. Вот оттого-то он для тебя и не прекрасный человек.

– Да я ничего и не говорю. Чего ты пристала!

– А эти глупые поговорки насчет соли! Без соли он прекрасный человек. И главное, человек аристократического общества. Вы смотрите, какие у него всё знакомства! Князья, графы, генералы, посланники. Да и сам он, наверное, при посольстве служит.

– Ну, будь по-твоему, будь по-твоему... – махнул рукой Николай Иванович.

– Нечего мне рукой-то махать! Словно дуре... дескать, будь по-твоему... Дура ты... как бы то ни было, но аристократ. Вы посмотрите, какие у него бакенбарды, как от него духами пахнет.

– Да просто земляк. Чего тут разговаривать! По-моему, он купец, наш брат Исакий, или по комиссионерской части. К тому же он и сказал давеча: «Всякие у меня дела есть». Что-нибудь маклерит, что-нибудь купит и перепродает.

– И ничего это не обозначает. Ведь нынче и аристократы в торговые дела полезли. А все-таки он аристократ. Вы, Иван Кондратьич, что скажете? – обратилась Глафира Семеновна к мрачно шедшему около них Конурину.

– Гвоздь ему в затылок... – послышался ответ.

– Господи! Что за выражения! Удержитесь хоть сколько-нибудь. Ведь мы в Ницце, в аристократическом месте. Сами же слышали давеча, что здесь множество русских, а только они не признаются за русских. Вдруг кто услышит!

– И пушай. На свои деньги я сюда приехал, а не на чужие. Конечно же гвоздь ему в затылок.

– Да за что же, помилуйте! Любезный человек, провозился с нами часа три-четыре, все рассказал, объяснил...

– А зачем он меня в эту треклятую игру втравил? Ведь у меня через него около полутораста французских четвертаков из-за голенища уткло, да сам он восемнадцать четвертаков себе у меня выудил.

– Втравил! Да что вы, маленький, что ли!

Конурин не отвечал. Они шли по роскошному скверу, поражающему своей разнообразной флорой. Огромные камелии были усеяны цветами, желтели померанцы и апельсины в темно-зеленой листве, высились пальмы и латании, топырили свои мясистые листья рога агавы, в клумбах цвели фиалки, тюльпаны и распространяли благоухание самых разнообразных расцветок гиацинты.

– Ах, как хорошо здесь! Ах, какая прелесть! – восхищалась Глафира Семеновна. – А вы, Иван Кондратьич, ни на что это и не смотрите. Неужели вас все это не удивляет, не радует? В марте и вдруг под открытым небом такие цветы! – обратилась она к Конурину, чтобы рассеять его мрачность.

– Да чего ж тут радоваться-то! Больше полутораста четвертаков в какой-нибудь час здесь ухнул, да дома приказчики в лавках, может статья, на столько же меня помазали. Торжествуют теперь, поди, там, что хозяин-дурак дело бросил и по заграницам мотается, – отвечал Конурин.

– Скажите, зачем вы поехали с нами?

– А зачем вы сманили и подзудили? Конечно, дурак был.

Они вышли из сквера и очутились на набережной горной реки Пальон. Пальон быстро катил узким потоком свои мутные воды по широкому каменисто-песчаному ложу. Конурин заглянул через перила и сказал:

– Ну уж река! Говорят, аристократический, новомодный город, а на какой реке стоит! Срам, не река. Ведь это уже нашей Карповки и даже, можно сказать, на манер Лиговки. Тьфу!

– Чего же плюетесь? Уж кому какую реку Бог дал, – отвечала Глафира Семеновна.

– А зачем же они ее тогда дорогой каменной набережной огородили? Нечего было и огораживать. Не стоит она этой набережной.

– Ну уж, Иван Кондратьич, вам все сегодня в черных красках кажется.

– В рыжих с крапинками, матушка, даже покажется, коли так я себя чувствую, что вот тело мое здесь, в Ницце, ну а душа-то в Петербурге, на Клинском проспекте. Ох, и вынесла же меня нелегкая сюда за границу!

– Опять.

– Что опять! Я и не переставал. А что-то теперь моя жена, голубушка, дома делает! – вздохнул Конури и прибавил: – Поди, теперь чай пьет.

– Да что она у вас так часто чай пьет? В какое бы время об ней ни вспомнили – все чай да чай пьет.

– Такая уж до сего напитка охотница. Она много чаю пьет. Как скучно – сейчас и пьет, и пьет до того, пока, как говорится, пар из-за голенища не пойдет. Да и то сказать, куда умнее до пара чай у себя дома пить, нежели чем попусту, зря, по заграницам мотаться, – прибавил Конури и опять умолк.

Кошон, пети кошон

Ступая шаг за шагом, компания продолжала путь. Показалось здание вроде наших русских гостиных дворов с галереей магазинов. Они вошли на галерею и пошли мимо магазинов с самыми разнообразными товарами по части дамских мод, разных безделушек, сувениров из лакированного дерева в виде баульчиков, бюваров, портсигаров, портмоне с надписями «Nice». Все это чередовалось с кондитерскими, в окнах которых в красивых плетеных корзиночках были выставлены засахаренные фрукты, которыми так славится Ницца. На всех товарах красовались цены. У Глафиры Семеновны глаза и разбежались.

– Боже, как все это дешево! – восклицала она. – Смотри, Николай Иванович, прелестный баульчик из пальмового дерева, и всего только три франка. А портмоне, портмоне... По полтора франка... Ведь это просто даром. Непременно надо купить.

– Да на что тебе, душечка? Ведь уж ты в Париже много всякой дряни накупила, – отвечал тот.

– То в Париже, а это здесь. На что! Странный вопрос... На память... Я хочу из каждого города что-нибудь на память себе купить. Наконец, подарить кому-нибудь из родни или знакомых. А то придут к нам в Петербурге люди, и нечем похвастать. Смотри, какой бювар из дерева, и всего только пять франков. Вот, купи себе.

– Да на кой он мне шут?

– Ну, все равно, я тебе куплю. Ведь у меня деньги выигрышные, даром достались. И засахаренных фруктов надо пару корзиночек купить.

– Тоже на память?

– Пожалуйста, не острите! – вскинулась на мужа Глафира Семеновна. – Вы знаете, что я этого не терплю. Я не дура, чтобы не понимать, что засахаренные фрукты на память не покупают, но я все-таки хочу корзинку привезти домой, чтобы показать, как здесь засахаривают. Ведь целый ананас засахарен, целый апельсин, лимон.

И она стала заходить в магазины покупать всякую ненужную дрянь.

– Больше тридцати двух рублей на наши деньги на сваях выиграла, так смело могу половину истратить, – бормотала она.

– Да ведь в Монте-Карло поедешь в рулетку играть, так поберегла бы деньги-то, – сказал Николай Иванович.

– А в Монте-Карло я еще выиграю. Я уж вижу, что моя счастливая звезда пришла.

– Не хвались, едучи на рать...

– Нет, нет, я уж знаю свою натуру. Мне уж повезет так повезет. Помнишь, на святках в Петербурге? На второй день Рождества у Парфена Михайлыча на вечеринке я четырнадцать рублей в стуколку выиграла, и все святки выигрывала. И в Монте-Карло ежели выиграю – половину выигрыша на покупки, так ты и знай. А то вдруг восемьдесят франков выиграть и жаться!

– И вовсе ты восьмидесяти франков не выиграла, потому что я двадцать четыре франка проиграл.

– А это уж в состав не входит. Вы сами по себе, а я сама по себе. Иван Кондратьич, да купите вы что-нибудь вашей жене на память, – обратилась Глафира Семеновна к Конурину.

– А ну ее! Не стоит она этого! – махнул тот рукой.

– За что же это так? Чем же она это перед вами провинилась? То вдруг все вспоминали с любовью, а теперь вдруг...

– А зачем она не удержала меня в Петербурге? Да наконец, по вашему же наущению купил я ей в Париже кружевную косынку за два золотых.

– То в Париже, а это в Ницце. Вот ей баульчик хорошенький. Всего только четыре франка... Вынимайте деньги.

Вскоре Николай Иванович оказался нагруженным покупками. Вдруг Глафира Семеновна воскликнула, указывая на вывеску:

– Батюшки! Restaurant russe! Русский ресторан!

– Да неужели? – удивленно откликнулся Конурин. – Стало быть, и русских щец можно будет здесь похлебать?

– Этого уж не знаю, но «ресторан рюсс» написано.

– Действительно ресторан рюсс. Это-то уж я прочесть умею по-французски, – подтвердил Николай Иванович. – Коли так, надо зайти и пообедать. Ведь уж теперь самое время.

Они вошли в ресторан, отделанный деревом в готическом стиле, с цветными стеклами в окнах и двери, уставленный маленькими дубовыми столиками с мраморными досками.

Конурин озирался по сторонам и говорил:

– Вид-то не русский, а скорей немецкий, на наш петербургский лейнеровский ресторан смахивает. Вон даже, кажется, и немцы сидят за пивом.

– Не в виде, брат, дело, а в еде, – отвечал Николай Иванович. – Ушки, что ли, спросим похлебать? Здесь место приморское, воды много, стало быть, и рыбное есть.

– Нет, нет, рыб я не стану есть! Бог знает какая здесь рыба! Еще змеей какой-нибудь накормят, – заговорила Глафира Семеновна.

– Закажем нашу русскую рыбу. Ну, стерлядей здесь нет, так сига, окуня, ершей...

– Ведь уж сказали, что будем щи есть, так на щях и остановимся.

Они сели за столик. К ним подошел гарсон с прилизанной физиономией и карандашом за ухом и встал в вопросительную позу.

– Похлебать бы нам, почтенный... – начал Конурин, обратясь к нему.

Гарсон недоумевал. Недоумевал и Конурин.

– Неужто по-русски не говорите? – спросил он гарсона.

– Comprend pas, monsieur...

– Не говорит по-русски... В русском ресторане и не говорит по-русски! Тогда позовите, кто у вас говорит по-русски. Мы русские и нарочно для этого в русский ресторан зашли. Не понимаешь? Ай-ай, брат, мусью, нехорошо! Кличку носите русскую, а научиться по-русски не хотите. Теперь и у нас и у вас «вив ля Франс» в моду вошло, а «вив ля Руси», так обязаны по-русски приучаться. Глафира Семеновна, скажите ему по-французски, чтоб русского человека привел нам. Что ж ему столбом-то стоять!

– Доне ну, ки парль рюсс... – сказала Глафира Семеновна. – Гарсон, ки парль рюсс.

– Personne ne parle russe chez nous ici, madame.

– Что он говорит? – спрашивал Конурин.

– Он говорит, что никто здесь не говорит по-русски.

– Вот тебе и русский ресторан! Ну, штука! Русские- то кушанья все-таки можно получить?

– Манже рюсс есть? – задал вопрос Николай Иванович. – Щи, селянка, уха...

Гарсон улыбнулся и ответил:

– Oh, non, monsieur...

– Здравствуйте! И щей нет, и селянки нет, и ухи нет. Какой же это после этого русский ресторан! Глаша! Да переведи ему по-французски. Может быть, он не понимает, что я говорю. Как селянка по-французски?

– Этому нас в пансионе не учили.

– Ну, щи. Про щи-то уж наверное учили.

– Суп и щи... Ву заве суп о шу?

– À présent non, madame... Pour aujourd'hui nous avons consommé, potage au riz avec des pois.

– Нет у них щей.

– Фу-ты пропасть! Тогда спроси про уху. Ухи нет ли?

– Уха... Про уху мы, кажется, тоже не учили. Ах да... Суп опусон. Эскеву заве суп опусон?

Гарсон отрицательно потряс головой и подал карточку обеда, перечисляя блюда:

– Potage, mayonnaise de poisson, poitrine de veau...

– Да не нужно нам твоей карты! – отстранил ее от себя Николай Иванович. – Поросятка под хреном хотя нет ли? Должно же в русском ресторане хоть одно русское блюдо быть. Кошон, пети кошон...

Гарсон улыбался и отрицательно покачивал головой.

– Ничего нет. А заманивают русским рестораном! Черти!

– Неужто и русской водки нет? – спросил Конури.

– Vodka russe? Oh, oui, monsieur... – встрепнулся гарсон и побежал за водкой...

– Не надо! Не надо! – кричал ему вслед Николай Иванович. – Я полагаю, что за обман, за то, что они нас обманули вывеской, не след здесь даже и оставаться нам, – обратился он к жене и Конури.

– Да, конечно же не стоит оставаться. Надо учить обманщиков, – отвечал Конури и первый поднялся из-за стола.

Ивановы сделали то же самое и направились к выходу.

Ницца без городских

И опять Ивановы и Конурин начали бродить мимо магазинов, останавливаясь у окон и рассматривая товары. Время от времени Глафира Семеновна заходила в магазины и покупала разную ненужную дрянь. Теперь покупками нагружался уж Иван Кондратьевич, так как Николай Иванович был окончательно нагружен. Были куплены фотографии Ниццы, конфеты – имитация тех разноцветных мелких камушков, которыми усеян берег Ниццкого залива, несколько каких-то четок из необычайно пахучего дерева, складное дорожное зеркальце, флакон с духами. Николай Иванович морщился.

– Напрасно мы в русском ресторане не пообедали, – сказал он. – Не стоило капризничать из-за того, что в нем нет русских блюд. Ведь все равно никакой русской еды мы здесь не найдем.

– А Капитон Васильич, между прочим, давеча говорил, что есть здесь какой-то ресторан, где можно русские щи, кашу и кулебяку получить, – отвечала Глафира Семеновна. – Он даже название ресторана сказал, но я забыла.

– Тогда спросите у городского. Городовой, наверное, знает, где такой ресторан, – предложил Конурин и прибавил: – Пора поесть, очень пора. Крепкие уж на еду позывы.

– Да где городского-то сыщешь! Этот город, кажется, без городских. Вот уж сколько времени бродим, а я ни одного городского не видала.

– В самом деле, без городских, – поддакнул Николай Иванович. – И я не видал.

– Ну, как же это возможно, чтоб город был без городских! – возразил Конурин. – Просто мы не заметили. Нельзя без городских... А вдруг драка? А вдруг пьяный?

– Иван Кондратьич, вы забываете, что здесь граница. Нет здесь пьяных.

– Теперь нет, но по праздникам-то, уж верно, бывают... Городовой... Городового надо на углу искать, на перекрестке... Пойдемте-ка на угол. Вон угол.

Вышли на угол, где перекрещивались улицы, но городского и там не было.

– Странно... – сказал Конурин. – Смотрите, на извозничьей бирже нет ли городского. Вон извозчики стоят.

Прошли к извозчикам, но и там не было городского.

– Ну, город! – проговорил Конурин. – Как же здесь по ночам-то? Ведь это значит, коли ежели кто-нибудь на тебя ночью нападет, то сколько хочешь «караул» кричи, так к тебе никто и не прибежит. А еще говорят цивилизация!

– Да не нападают здесь по ночам.

– Все равно без караула невозможно. Это не порядок. Ну, вдруг я полезу в такое место, в которое не приказано ходить? Кто меня остановит? Опять же извозчики прохожих задевать начнут или промеж себя ругаться станут.

– А извозчики здесь полированные. Видите, какие стоят? Ведь это извозчики. Здесь на них даже нет извозничьей одежды, как на парижских извозчиках. Так же одеты, как и вы с Николаем Ивановичем: пиджачная пара, шляпа котелком и при часах и при цепочке.

– Да неужто это извозчики? – дивился Конурин.

– А то кто же? Видите, при лошадях стоят. А то вон один на козлах сидит и в очках даже.

– Фу-ты пропасть! Я думал это так, кто-нибудь. В очках и есть. Что это у него? Газета? Да, газету читает, подлец. Батюшки! Да вон еще извозчик даже в серой клетчатой паре и в синем галстуке.

– И даже в таком галстуке, какого и у вас нет, – поддразнила Глафира Семеновна Конурин.

– Ну, ну, ну... Пожалуйста... Я в Париже полдюжины галстуков себе купил.

– Вот видите, хотя я не обижаюсь, а вы все-таки нукаете на даму, а уж я уверена, что этот извозчик не станет на даму нукать. Стало быть, для таких полированных извозчиков не нужно и городских.

– Да ведь я, голубушка, любя понукал. Вы не обижайтесь, – отвечал Конурин.

– А он и любя нукать не станет.

– В самом деле, какие здесь извозчики! От барина же отличишь! – дивился Николай Иванович.

– Где отличить! – поддакнул Конурин. – В толпе толкнешь его невзначай, так «пardon» скажешь.

– Однако, господа, как хотите, а обедать надо, – сказала Глафира Семеновна. – Я и сама проголодалась. Смотрите, уж темнеет. Ведь седьмой час.

– Да, да... Надо хоть какой-нибудь ресторан отыскать, – подхватили мужчины.

– Тогда сядем в коляску и велим нас везти в самый лучший ресторан.

– Зачем же в самый лучший? В самом-то лучшем бок нашпарят, – возразил Николай Иванович.

– Ах ты боже мой! Да ведь я на сваях больше восьмидесяти франков выиграла, так чего же сквалыжничать?

– Да что ты все выиграла да выиграла! Ты считай, много ли теперь от этих восьмидесяти франков осталось. Ведь ты целый ворох покупок сделала.

– Ах, жадный, жадный! А ты не считаешь, что я тебе и Ивану Кондратьичу по всей заграницей переводчицей? В Париже жид переводчик предлагал свои услуги – я отказала и везде сама. Жиду-то по пяти франков в день нужно было платить, да поить-кормить его, а через меня мы без жиды обошлись. Коше! – обратилась Глафира Семеновна к извозчику. – Ну, шершон бон ресторан. Ву саве? Монтре ну.

– Oh, oui, madame...

Извозчик, учтиво приподняв шляпу, полез на козлы.

– Садитесь, господа, садитесь... – командовала Глафира Семеновна мужчинам.

Все сели в коляску и поехали. Ехать пришлось недолго, извозчик сделал два-три поворота, выехал на Place du Jardin Publique и остановился перед известным рестораном London-House.

Tchi, kacha, koulibiaka et ikra russe

Ресторан London-House был самый лучший и самый дорогой в Ницце. Приноровленный исключительно к иностранцам, он щеголял, кроме французской кухни, русскими и английскими блюдами. Русским здесь подавали семгу, балык, свежую икру, щи, борщ, кашу, пироги, делали даже ботвинью, хотя кислые щи, которыми ее разбавляли, походили скорее на лимонад, чем на кислые щи. Англичанам предлагался кровавый ростбиф и всевозможных сортов пудинги.

Когда супруги Ивановы и Конурин уселись за столик и привычная прислуга услышала их русский говор, к ним сейчас же подошел распорядитель ресторана с карандашом, записной книжкой и во фраке и прямо предложил на обед «tchi, kacha, koulibiaka et ikra russe». Глафира Семеновна не сразу поняла речь француза и недоумевающе посмотрела на него, так что ему пришлось повторить предложение.

– Господа, он сам предлагает нам щи, кашу и кулебяку... Здесь русские блюда есть, – обратилась она к мужу и Конурину.

– Да неужели?! – воскликнул Конурин. – Во французском-то ресторане?

– Во-первых это не французский, а английский ресторан. Вон на карточке написано «Лондон-Гус», а Лондон – город английский. Предлагает... Говорит, что и икра есть на закуску... Хотите?

– Да конечно же! – откликнулся Николай Иванович. – Английский ресторан... Молодцы англичане! Никогда я их не любил, а теперь уважаю.

– Щей, каши и кулебяки можешь подать, мусью? – радостно обратился к распорядителю Конурин и, получив от него утвердительный ответ, похлопал его по плечу и протянул руку, сказав: – Мерси, мусью. Тащи, тащи скорей все, что у тебя есть по русской части! Водка русская тоже есть?

– Mais oui, monsieur.

– Ловко! Еще раз руку!

Распорядитель сделал знак гарсону, и тот засуетился, уставляя стол приборами.

Была подана бутылка водки, свежая икра также во льду, семга; затем следовали кислые щи, правда приправленные уксусом, но все-таки щи, каша и добрый кусок разогретой кулебяки, смахивающей, впрочем, на паштет. Иванов и Конурин жадно набросились на еду.

– Вот уж не ждали и не гадали, а на русские блюда попали! – говорил Конурин. – Молодец извозчик, что в такое место привез! И ведь странное дело: заходили в русский ресторан и ничего русского не нашли, а тут попали в английский – и чего хочешь, того просишь.

– Смотрите, даже черный хлеб подали, – указывала Глафира Семеновна.

Николай Иванович попробовал хлеб и сказал:

– Ну, какой это черный! На пряник смахивает.

– Однако нигде за границей мы и такого не видали.

Распорядитель ресторана то и дело подходил к ним и предлагал еще русские блюда. Глафира Семеновна переводила.

– Он говорит, что здесь в ресторане даже блины с икрой можно получить, но надо только заранее заказать, – сказала она.

– Блины с икрой? Ловко! Зайдем, зайдем... Непременно зайдем в следующий раз, – отвечали мужчины.

– Et botvigne russe, monsieur...

– Ботвинья? Завтра же будем на этом месте ботвинью хлебать. Ах, англичане, англичане. Распотешили купцов! Ловко распотешили, лягушка их забодай! – бормотал Конурин. – Не знал я, что англичане такое сословие. И вино красное какое здесь хорошее, с духами...

– А это уж здесь в ресторане сами по своему выбору поставили. Я сказала только бон вэн, чтоб было хорошее вино, – отвечала Глафира Семеновна.

– «Шато-Марго». Ну что ж, я думаю, что мы не зашатаемся и не заморгаем, ежели еще третью бутылочку спросим, – сказал Николай Иванович. – Надо «Лондон-Гус» поддержать.

– Вали! Я рад, что до русской-то еды дорвался, – откликнулся Конурин. – Правда, она все-таки на французский манер, но и за это спасибо.

Николай Иванович и Конурин, попивая красное вино, буквально ликовали; но при расчете вдруг наступило разочарование. Когда Глафира Семеновна спросила счет, то он оказался самым аптекарским счетом по своим страшным ценам. Счет составлял восемьдесят с лишком франков. Даже за черный хлеб было поставлено пять франков.

– Фю, фю, фю! – просвистал Конурин. – Ведь это, стало быть, тридцать пять рублей на наши деньги с нас. За три русских блюда с икоркой на закуску тридцать пять рублей! Дорогонько, однако, русское-то здесь ценят! Да ведь это дороже даже нашего петербургского Кюбы, а тот уж на что шкуродер. Ловко, господа англичане! А я еще английское сословие хвалил, хотел ему «Вив англичан» крикнуть. По двенадцати рублей на нос пообедали, ни жаркого, ни сладкого не евши.

– Я апельсин и порцию мороженого съела, – сказала Глафира Семеновна.

– Да что апельсин! Здесь ведь апельсины-то дешевле пареной репы. Нет, сюда уж меня разве только собаками затравят, так я забегу, нужды нет, что тут блины и ботвинью предлагают. За блины да за ботвинью они, пожалуй, столько слупят, что после этого домой-то в славный город Петербург пешком придется идти.

– За вино по двенадцати франков за бутылку взяли, – заметил Николай Иванович, просматривая счет.

– Да неужели? Ах, муха их забодай! Положим, вино отменное, но цена-то разбойничья. В Париже мы по два франка за бутылку пили – и в лучшем виде...

– Ну а здесь я заказала самого лучшего и сказала, чтоб он, этот самый человек, уж на свою совесть подал, – отвечала Глафира Семеновна.

– А он уж и обрадовался. Короткая же у него совесть, таракан ему во щи.

– Удивляюсь я на вас, право, Иван Кондратьич, – сказала Глафира Семеновна. – Хотите, чтоб за границей ваши прихоти исполняли, и не хотите за них платить. Не требовали бы русских блюд.

– Как не хочу платить? Платить надо. Без этого нельзя. Не заплати-ка – в участок стащут. Так зачем же не поругаться за свои деньги? Если ты с меня семь шкур дерешь, то дай мне и над тобой потешиться и душу отвести.

– Не следовало только вино-то вот на его выбор предоставлять, – сказал Николай Иванович. – Давеча за завтраком на сваях мы в лучшем виде вино за три франка пили.

– Ах, боже мой! И вечно вы с попреками! – воскликнула Глафира Семеновна. – Ну, хорошо, давеча я выиграла и вино на выигрышный счет принимаю.

– Поди ты... Ты прежде посчитай, много ли у тебя от выигрыша-то осталось. Выигрышные-то деньги ты все в магазинах за портмоне да баулы оставила. Гарсон! Прене...

Николай Иванович вынул кошелек и принялся отсчитывать золото за обед.

– Сколько человеку-то на чай дать? – спросил он Конурина. – Хоть и нажгли нам здесь бок, но нельзя же свою русскую славу попортить и какой-нибудь французский четвертак на чай дать. Знают, что мы русские.

– Да дай два четвертака.

– Что ты, что ты! Я думаю, что и пять-то мало. Ведь лакей чуть не колесом вертелся, когда узнал, что русские пришли. Вон он как глядит! Физиономия самая масляная. Один капуль на лбу чего стоит! Тут счет восемьдесят три франка с половиной... Дам я ему четыре золотых больших и один маленький, и пусть он берет себе шесть с половиной франков на чай. Русские

ведь мы... Неловко меньше. Русские за границей на особом положении и уж славятся тем, что хорошо дают на чай. Ходит, Иван Кондратьич, что ли?

– Вали! Где наша не пропадала! – махнул рукой Конурин.

Николай Иванович бросил гарсону на тарелку девяносто франков и сказал:

– А сдачу прене пур буар.

А еще аристократический город!

Из ресторана супруги Ивановы и Конурин поехали домой, в гостиницу, оставили там свои покупки, сделанные в магазинах перед обедом, снова вышли и отправились отыскивать концертный зал казино, на который им указывал утром Капитон Васильевич как на место, где можно нескучно провести время. Конурин было отказывался идти с Ивановыми в казино, говоря, что он лучше завалится спать, так как совсем почти не спал ночь, но Глафира Семеновна уговорила его идти.

– Помилуйте, кто же это спит за границей после обеда! Нужно идти и осматривать достопримечательности города, – сказала она ему.

– Знаю я эти достопримечательности-то! Земляк сказывал, что там опять игра в эти самые дурацкие карусели. Неужто опять по-утреннему карман на выгрузку предоставить?

– Странное дело... Можете и не играть.

– Не играть! Человек слаб. Запрятать разве куда-нибудь подальше кошелек?

– Да давайте мне ваш кошелек, – предложила Глафира Семеновна.

– И то возьмите, – согласился Конурин и, передав свой кошелек, отправился вместе с Ивановыми.

Царила тихая звездная ночь, когда они шли по плохо освещенным улицам. В Ницце рано заканчивают магазинную торговлю: магазины были уже заперты, и газ в окнах их, составляющий главное подспорье к городскому уличному освещению, был уже потушен. Прохожих встречалось очень мало. Публика была в это время сосредоточена в театрах и в концертно-игорных залах. На море с балконов здания Jett Promenade пускали фейерверк. Трещали шлагы, и взвивались ракеты, рассыпаясь разноцветными огнями по темно-синему небу. Оттуда же доносились и звуки оркестра. Ивановы и Конурин остановились и стали любоваться фейерверком.

– Вишь, как дураков-то заманивают на игорную мельницу! Фейерверк пускают для приманки. «Комензи, господа, несите свои потроха, отберем в лучшем виде», – говорил Конурин. – Нет, мусьи, издали посмотрим, а уж к вам не пойдем.

– Надо опять к Гостиному двору направляться. Капитон Васильич говорил, что там этот самый казино помещается, – сказала Глафира Семеновна и повела за собой мужчин.

Вход в казино блистал газом, а потому, приблизясь к Гостиному двору, зал этот уже нетрудно было найти. Около входа толпились продавцы фруктов, тростей, альбомов с видами Ниццы, цветочных бутоньерок и уличные мальчишки. Мальчишки свистали и пели. Один даже довольно удачно выводил голосом арию тореадора из «Кармен». Некоторые, сидя на корточках, играли в камушки на медные деньги.

– Смотри, Иван Кондратыч. Даже маленькие паршивцы и те в деньги играют. Вот она Ницца-то! Совсем игорный дом, – указал Николай Иванович Конурину.

Заплатив за вход по два франка, Ивановы и Конурин вошли в зал казино, освещенный электричеством. Это был громадный зимний сад с роскошными пальмами, латаниями, лезущими к стеклянному потолку. По стенам плющ и другие вьющиеся растения; в газонах пестрели и распространяли благоухание цветы в корзинках. Сад был уставлен маленькими столиками, за которыми сидела публика, пила лимонад, содовую воду с коньяком, марсалу и слушала стройный мужской хор, певший на эстраде, украшенной тропическими растениями. Бросались в глаза разряженные кокетки в шляпках с невозможно выгнутыми и загнутыми широкими полями, с горой цветов и перьев, выделялись англичане во всем белом, начиная от ботинок до шляпы; тощие, длинные, как хлысты, с оскаленными зубами и с расчесанными бакенбардами в виде рыбьих плавательных перьев. В двух-трех местах, где пили коньяк за столиками, Ивановы и Конурин услышали русскую речь.

– Русские... – улыбалась Глафира Семеновна. – Правду Капитон Васильич сказывал, что здесь в Ницце русских много. И замечательно... – прибавила она. – Как русские, так коньяк пьют, а не что-либо другое.

– Да что ж православному-то человеку на гулянье попусту лимонадиться! От лимонаду ни веселья, ничего... Так и будешь ходить мумией египетской, – отвечал Конурин. – Я думаю даже, уж и мне с вашим супругом садануть по паре коньяковых собачек.

– Ну вот... Дайте хоть сад-то путем обойти и настоящим манером публику осмотреть. Здесь на дамах наряды хорошие есть. Ах, вот где играют-то... – заглянула она в боковую комнату. – И сколько публики!

В залитых газом галереях, разделенных на отделения и прилегающих к саду, действительно шла жаркая игра. Около столов с вертящимися поездами железной дороги и лошадами толпилась масса публики и то и дело слышались возгласы крупье: «Faites votre jeu, messieurs» и «rien ne va plus».

– Николай Иваныч, ты уж там как хочешь, а я рискну на маленький золотой, – сказала Глафира Семеновна. – Надо пользоваться своим счастьем. Утром выиграла, так ведь можно и вечером выиграть.

– Да полно, брось...

– Нет, нет. И пожалуйста, не отговаривай. Ведь, в сущности, ежели я маленький золотой и проиграю, то это будет из утреннего выигрыша, стало быть, особенно жалеть нечего.

– Носится она с утренним выигрышем, как курица с яйцом! Ведь свой утренний выигрыш ты в магазинах на разные бирюльки потратила.

– Нет, нет, у меня еще остались выигрышные деньги. Батюшки! Да сколько здесь игорных столов-то! Здесь куда больше столов, чем там, на сваях, где мы утром играли. Вот уж я больше пяти столов видела. Раз, два, три... пять... шесть... Вы вот что... чтобы вам здесь не мотаться около меня, вы идите с Иваном Кондратьичем и выпейте коньяку. В самом деле, вам скучно, горло не промочивши. А я здесь останусь. Коньяку-то уж вы себе одни сумеете спросить.

– Еще бы... Хмельные слова я отлично знаю по-французски... – похвастался Николай Иванович. – Мне трудно насчет чего-нибудь другого спросить, а что насчет выпивки я в лучшем виде. Только ты, Глаша, смотри не зарвись... Не больше маленького золотого.

– Нет, нет. Как золотой проиграю – довольно.

– Ну, то-то. Пойдем, Иван Кондратьич, хватим по чапорушечке.

Супруги расстались. Глафира Семеновна осталась у игорного стола, а Николай Иванович и Конурин отправились спросить себе коньяку.

Спустя час Николай Иванович пришел к тому игорному столу, где оставил Глафиру Семеновну, и не нашел ее. Он стал ее искать у других столов и увидел бледную, с потным лицом. Она азартно делала ставки. Ее парижская причудливая шляпка сбилась на затылок, и из-под нее выбились на лоб пряди взмокших от пота волос. Завидя мужа, она вздрогнула, обернулась к нему и, кусая запекшиеся губы, слезливо заморгала глазами.

– Вообрази, я больше двухсот франков проиграла... – выговорила она наконец.

– Да что ты!

– Проиграла. Нет, здесь мошенничество, положительно мошенничество! Я два раза выиграла на Лиссабон, должна была получить деньги, а крупье заспорил и не отдал мне денег. Потом опять выиграла на Лондон, но подсунул какой-то плюгавый старичишка с козлиной бородкой, стал уверять меня, что это он выиграл, а не я, загреб деньги и убежал. Ведь это же свинство, Николай Иваныч... Неужто на них, подлецов, некому пожаловаться? Отнять три выигранные кона! Будь эти выигранные деньги у меня, я никогда бы теперь не была в проигрыше двести франков, я была бы при своих.

– Но откуда же ты взяла, душечка, двести франков? Ведь у тебя и двадцати франков от утреннего выигрыша не осталось, – удивлялся Николай Иванович.

– Да Ивана Кондратьича деньги я проиграла. Черт меня сунул взять давеча у него его кошелек на сохранение!

– Конурина деньги проиграла?

– В том-то и дело. Вот всего только один золотой да большой серебряный пятак от его денег у меня и остались. Надо будет отдать ему. Ты уж отдай, Коля.

– Ах, Глаша, Глаша! – покачал головой Николай Иванович.

– Что Глаша! Пожалуйста, не попрекай. Мне и самой горько. Но нет, каково мошенничество! Отнять три выигранных кона! А еще Ницца! А еще аристократический город! А где же Конурин? – спросила вдруг Глафира Семеновна.

– Вообрази, играет. В покатый бильярд играет, и никак его оттащить от стола не могу. Все ставит на тринадцатый номер, хочет добиться на чертову дюжину выигрыш сорвать и уж тоже проиграл больше двухсот франков.

– Но где же он денег взял? Ведь его кошелек у меня.

– Билет в пятьсот франков разменял. Кошелек-то он тебе свой отдал, а ведь бумажник-то с банковскими билетами у него остался, – отвечал Николай Иванович и прибавил: – Брось игру, наплюй на нее, и пойдем оттащим от стола Конурина, а то он ужас сколько проиграет. Он выпивши, поминутно требует коньяку и все увеличивает ставку.

– Но ведь должна же я, Николай Иваныч, хоть сколько-нибудь отыграться.

– Потом попробуешь отыграться. Мы еще придем сюда. А теперь нужно Конурина-то пьяного от этого проклятого покатога бильярда оттащить. Конурин тебя как-то слушается, ты имеешь на него влияние.

Глафира Семеновна послушалась и, поправив на голове шляпку, отошла от стола, за которым играла. Вместе с мужем она отправилась к Конурину.

Бильярд с коньяком

Оттащить Конурина от игорного стола было, однако, нелегко и с помощью Глафиры Семеновны. Когда Ивановы подошли к нему, он уже не стоял, а сидел около стола. Перед ним лежали целые грудки наменного серебра. Сзади его, опершись одной рукой на его стул, а другой ухарски подбоченясь, стояла разряженная и сильно накрашенная барынька с черненьким пушком на верхней губе и в калабрийской шляпке с таким необычайно громадным плюмажем, что плюмаж этот змеей свешивался ей на спину. Барынька эта распоряжалась деньгами Конурина, учила его делать ставки, и, хотя она говорила по-французски, он понимал и слушался ее.

– Voyons, mon vieux russe... apresent № 3... – говорила она гортанным контральтовым голосом.

– Нумер труа? Ладно... Будь по-вашему, – отвечал Конурин. – Труа так труа.

Шар покато бильярда летел в гору по зеленому сукну и скатывался вниз. Конурин проиграл.

– C'est dommage, ce que nous avons perdu... Mais ne pleurez pas... Mettez encore.

Она взяла у него две серебряные монеты и швырнула их опять в лунку номера третьего. Снова проигрыш.

– Тыфу ты пропасть! – плюнул Конурин. – Не следовало ставить на тот же номер, мадам-мамзель. Вали тринадцать... Вали на чертову дюжину... Ведь на чертову дюжину давеча взяли два раза.

– Oh non, non... Laissez moi tranquille... – ударила она его по плечу и снова бросила ставку на номер третий.

– В таком разе хоть выпьем, мадам-мамзель, грешного коньячишку еще по одной собачке, для счастья... – предлагал ей Конурин, умильно взглядывая на нее.

– Assez... – сделала она отрицательный жест рукой.

– Что такое асе? Ну а я не хочу асе. Я выпью... Прислужающий! Коньяк... Давай коньяку... – поманил он гарсона, стоящего тут же с графинчиком коньяку и рюмками на тарелке.

Гарсон подскочил к нему и налил рюмку. Конурин выпил.

– Perdu... – произнесла барынька.

– Опять пердю! О, чтоб тебе ни дна ни крыши! – воскликнул Конурин.

В это время к нему подошла Глафира Семеновна и сказала:

– Иван Кондратьич... Бросьте играть... Ведь вы, говорят, ужас сколько проиграли.

– А! Наша питерская мадам теперь подъехала! – проговорил Конурин, обращаясь к ней пьяным раскрасневшимся лицом с воспаленными узенькими глазами. – Постой, постой, матушка... Вот с помощью этой барыньки я уже отыгрываться начинаю. Пятьдесят два франка давеча на чертову дюжину мы сорвали. Ну, мамзель-стриказель, теперь катр... на номер катр... Ставьте своей ручкой, ставьте... – обратился он к накрашенной барыньке.

– Да бросьте, вам говорят, Иван Кондратьич, – продолжала Глафира Семеновна. – Перемените хоть стол- то... Может быть, другой счастливее будет... А то прилипли к этому проклятому бильярду... Пойдемте к столу с поездами.

– Нет, постой... – упрямылся Конурин. – Вот с этой черномазой мамзелью познакомился, и уж у меня дело на поправку пошло. Выиграли на катр? Да неужто выиграли? – воскликнул он вдруг радостно, когда увидел, что крупье отсчитывал ему грудку серебряных денег. – Мерси, мамзель, мерси. Вив ли Франс тебе – вот что... Ручку!

И он схватил француженку за руку и крепко потряс ее. Она улыбнулась.

– Вот что значит, что я коньяку-то выпил. Постой, погоди... Теперь дело на лад пойдет, – бормотал он.

– А выиграл на ставку, так и уходи... Перемени ты хоть стол-то!.. – подступил к нему Николай Иванович. – Сам пьян... Не ведь с какой крашеной бабенкой связался.

– Французинка... Сама подошла. «Рюсс?» – говорит. Я говорю: «Рюсс»... Ну и обласкала. Хорошая барынька, только вот басом говорит.

– А ты думаешь, что даром она тебя обласкала? Выудить хочет твои потроха. Да и выудит, ежели уже не выудила еще...

– Нет, шалишь! Я свою денежную требуху тонко соблюдаю... Труа! На номер труа!

– Пойдемте к другому столу! – воскликнула Глафира Семеновна, схватила Конурина за руку и силой начала поднимать его со стула.

– Стой, погоди... Не балуйтесь... – упрямылся тот. – Мамзель, ставь труа.

– Не надо труа. Забирайте ваши деньги и пойдемте к другому столу.

Глафира Семеновна держала Конурина под руку и тащила его от стола. Николай Иванович загребал его деньги. Французенка сверкнула глазами на Глафиру Семеновну и заговорила что-то по-французски, чего Глафира Семеновна не понимала, но по тону речи слышала, что это не были ласковые слова.

Конурин упрямылся и не шел.

– Должен же я хоть за коньяк прислужающему заплатить... – говорил он.

– Заплачу... Не беспокойся... – сказал Николай Иванович. – Гарсон комбьен?

Гарсон объявил ужасающее количество рюмок выпитого коньяку. Николай Иванович начал рассчитывать с ним. Глафира Семеновна все еще держала Конурина под руку и уговаривала его отойти от стола.

– Ну ладно, – согласился, наконец, тот и прибавил: – Только пускай и мамзель-стриказель идет с нами. Мамзель! Коммензи! – И он махнул ей рукой.

– Да вы никак с ума сошли, Иван Кондратьич! – возмутилась Глафира Семеновна. – С вами замужняя женщина идет под руку, а вы не ведь какую крашеную даму с собой приглашаете! Это уж из рук вон! Пойдемте, пойдемте...

– Э-эх! В кои-то веки приударил за столом за французской мадамой, а тут... Тьфу! Да она ничего... Она ласковая... Мадам! – обернулся к французенке на ходу Конурин.

– Не подпущу я ее к вам... Идемте...

Французенка шла сзади и говорила что-то язвительное по адресу Глафиры Семеновны. Наконец она подскочила к Конурину и взяла его с другой стороны под руку. Очевидно, ей очень не хотелось расстаться с намеченным кавалером.

– Прочь! – закричала на нее Глафира Семеповна, грозно сверкнув глазами.

Французенка в свою очередь крикнула на Глафиру Семеновну и хотя отняла свою руку из-под руки Конурина, но, сильно жестикулируя, старалась объяснить что-то по-французски.

– Вот видите, какая она ласковая-то. Она требует у вас половину выигрыша. Говорит, что пополам с вами играла, – перевела Конурина Глафира Семеновна речь французенки.

– Какой к черту выигрыш! Я продулся, как грецкая губка. Во весь вечер всего только три ставки взял. Нон, мадам, нон... Я проигрался, мамзель... Я в проигрыше... Понимаешь ты, в проигрыше... Я пердю... Совсем пердю... – обратился Конурин к французенке. Та не отставала и бормотала по-французски.

– Уверяет, что пополам с вами играла... – переводила Глафира Семеновна. – Вот неотвязчивая-то нахалка! Дайте ей что-нибудь, чтобы она отвязалась.

– На чай за ласковость можно что-нибудь дать, а в половинную долю я ни с кем не играл. Он остановился и стал шарить у себя в карманах, ища денег.

– У Николая Иваныча ваши деньги, а не у вас. Он их сгреб со стола, – говорила Конурина Глафира Семеновна.

– Были и у меня в кармане большие серебряные пятаки.

Он нашел наконец завалившуюся на дне кармана пятифранковую монету и сунул ее француженке.

– На вот... Возьми на чай... Только это на чай... За ласковость на чай... А в половинную долю я ни с кем не играл. Переведите ей, матушка Глафира Семеновна, что это ей на чай...

– А ну ее! Стану я со всякой крашеной дрянью разговаривать!

Француженка между тем, получив пятифранковую монету, подбросила ее на руке, ядовито улыбнулась и опять заговорила что-то, обращаясь к Конурину. Взор ее на этот раз был уже далеко не ласков.

– Вот нахалка-то! Мало ей... Еще требует... – опять перевела Глафира Семеновна Конурину.

– Достаточно, мамзель... Будет. Не проси... Сами семерых собирать послали! – махнул Конурин француженке рукой и пошел от нее прочь под руку с Глафирой Семеновной.

Он шатался. Глафире Семеновне стоило больших трудов вести его. Вскоре их нагнал Николай Иванович и взял Конурина под другую руку. Они направились к выходу из зимнего сада. На шествие это удивленно смотрела публика. Вслед компании несколько раз раздавалось слово «les russes».

Мошенники и грабители

На другой день Конурин проснулся с сильной головной болью у себя в номере, припомнил обстоятельства вчерашнего вечера и пробормотал:

– А и здорово же я вчера хватил этого проклятого коньячищи! А все Ницца, чтобы ей ни дна ни крыши! Такой уж, должно быть, пьяный город. Пьяный и игорный... Сколько я вчера проиграл в эти поганые вертушки! В сущности, ведь детские игрушки, детская забава, а поди ж ты, сколько денег выгребают! Взрослому-то человеку на них по-настоящему и смотреть неинтересно, а не только что играть, а играют. А все корысть. Тьфу!

Он плюнул, встал с постели и принялся считать переданные ему вчера Николаем Ивановичем деньги, оставшиеся от разменного вчера пятисотфранкового билета. Денег было триста пятьдесят два франка с медной мелочью.

– Сто сорок восемь франков посеял в апельсиновой земле, – продолжал он. – Да утром на сваях за такую же лепорцию икры заплатил. Ой-ой-ой, ведь это триста франков почти на апельсиновую землю приходится. Триста франков, а на наши деньги по курсу сто двадцать рублей. Вот она, Ницца-то! В один день триста французских четвертаков увела... А что будет дальше-то? Нет, надо забастовать... Довольно.

Он умылся, вылил себе на голову целый кувшин воды, оделся, причесал голову и бороду и пошел стучаться в номер Ивановых, чтобы узнать, спят они или встали.

– Идите, идите. Мы уже чай пьем... – послышалось из-за двери.

– Чай? Да как же это вас угораздило? – удивленно спросил Конурин, входя в номер. – Ведь самовара здесь нет.

– А вот ухитрились, – отвечала Глафира Семеновна, сидевшая за чайным столом. – Видите, нам подали мельхиоровый чайник и спиртовую лампу. В чайнике на лампе мы вскипятили воду, а чай я заварила в стакане и блюдечком прикрыла вместо крышки. Из него и разливаю. Сколько ни говорила я лакею, чтобы он подал мне два чайника – не подал. Чай заварила свой, что мы из Петербурга привезли.

– Отлично, отлично. Так давайте же мне скорей стаканчик, да покрепче. Страсть как башка трещит после вчерашнего, – затараторил Конурин, присаживаясь к столу.

– Да, хороши вы были вчера...

– Ох, уж и не говорите! – вздохнул Конурин. – Трепку мне нужно, старому дураку.

– И даму компаньонку себе нашли. Как это вы ее нашли?

– Вовсе не искал. Сама нашлась, – сконфуженно улыбнулся Конурин.

Начались разговоры о вчерашнем проигрыше.

– Нет, вообразите, я-то, я-то больше двухсот франков проиграла! – говорила Глафира Семеновна. – Взяла у вас ваш кошелек с деньгами на хранение, чтоб уберечь вас от проигрыша, и сама же ваши деньги проиграла из кошелька. Николай Иваныч сейчас вам отдаст за меня деньги.

– Да что говорить, здесь игорный вертеп, – отвечал Конурин.

– И какой еще вертеп! Игорный и грабительский вертеп. Мошенники и грабители.

И Глафира Семеновна рассказала, как какой-то старичишка присвоил себе выигрыш, как крупье два раза заспорил и не отдал ей выигранное.

– Вот видите, а вы говорите, что Ницца – аристократическое место, – сказал Конурин. – А только уж сегодня на эти игральные вертушки я и не взгляну. Довольно. Что из себя дурака строить! Взрослый мужчина во всем своем степенстве и вдруг в детские игрушки играть! Даже срам.

– Нет, нет... Сегодня мы ждем на праздник цветов. Разве вы забыли, что мы взяли билеты, чтобы смотреть, как на бульваре будут цветами швыряться?

– Тоже ведь, в сущности, детская игра, – заметил Николай Иванович.

– Ну что ж, ежели здесь такая мода. С волками жить – по-волчьи выть, – отвечала Глафира Семеновна. – Эта игра, по крайности, хоть незаметная.

Послышался легкий стук в дверь.

– Антре!.. – крикнул Николай Иванович и самодовольно улыбнулся жене, что выучил это французское слово.

Вошел заведующий гостиницей – француз с наполеоновской бородкой и карандашом за ухом, поклонился и заговорил по-французски. Говорил он долго, Конурин и Николай Иванович, ничего не понимая, слушали и смотрели ему прямо в рот. Слушала и Глафира Семеновна и тоже понимала плохо.

– Глаша! О чем он? – спросил жену Николай Иванович, кивая на без умолку говорящего француза.

– Да опять что-то насчет завтрака и обеда в гостинице. Говорит, что табльдот у них.

– Дался ему этот завтрак и обед! Вуй, вуй, мусье. Знаем... И как понадобится, то придем.

– Жалуетса, что мы вчера не завтракали и не обедали в гостинице.

– Странно. Приехали в новый город, так должны же мы прежде всего трактиры обозреть.

– Вот, вот... Я теперь поняла, в чем дело. Вообрази, он говорит, что ежели мы и сегодня не позавтракаем или не пообедаем у них в гостинице, то он должен прибавить цену за номер.

– Это еще что! В кабалу хочет нас взять? Нон, нон, мусье... мы этого не желаем. Скажи ему, Глаша, что мы не желаем в кабалу идти. Вот еще что выдумал! Так и скажи!

– Да как я скажу про кабалу, если я не знаю, как кабала по-французски! Этому слову нас в пансионе не учили.

– Ну, скажи как-нибудь иначе. Готелев, мусью, здесь много и ежели прибавка цен, то мы переедем в другое заведение. Волензи так волензи, а не волензи, так как хотите. Компрене?

– Чего ты бормочешь, ведь он все равно не понимает.

– Да ведь я по-иностранным. Пене анкор – нон. Дежене и дине – тоже нон, – сказал Николай Иванович французу, сделав отрицательный жест рукой, и прибавил: – Поймет, коли захочет. Ну а теперь ты ему по-настоящему объясни.

– Да ну его! Потешим уж его, позавтракаем у него сегодня за табльдотом. К тому же это будет дешевле, чем в ресторане. Завтрак здесь, он говорит, три франка.

– Тешить-то подлецов не хочется. Много ли они нас тешут! Мы им и «вив ля Франс» и все эдакое, а они вон не хотели даже второй чайник к чаю подать. Срам. В стакане чай завариваем. Это что, мусье? Не можете даже для русских по два чайника подавать, – кивнул Николай Иванович на заваренный в стакане чай и прибавил: – А еще французско-русское объединение! Нет, уже ежели объединение, то обязаны и русские самовары для русских заводить, и корниловские фарфоровые чайники для заварки чая.

– Ну, так что ж ему сказать? – спрашивала Глафира Семеновна.

– Да уж черт с ним! Позавтракаем сегодня у него. По крайности, здесь в гостинице ни на какую игорную вертушку не нарвешься. А то начнешь ресторан отыскивать и опять в новый игорный вертеп с вертушками попадешь, – решил Конурин.

Николай Иванович не возражал.

– Вуй, вуй... Ну, деженон ожурдои ше ву, – кивнула французу Глафира Семеновна.

Француз поклонился и вышел.

Вот тебе букетец!

Позавтракав за табльдотом в своей гостинице, супруги Ивановы и Конурин вышли на берег моря, чтобы отправиться на Весенний праздник цветов. На бульваре Jette Promenade, залитом ослепительным солнцем, были толпы публики. Пестрели разноцветные раскрытые зонтики. Толпы стремились по направлению к Promenade des Anglais, где был назначен праздник и где были выстроены места для публики. Почти каждый из публики имел у себя на груди по бутоньерке с розой, многие несли с собой громадные букеты из роз. Все были с цветами. Даже колясочки, в которых няньки везли детей, и те были убраны цветами. Цветы были на сбруе лошадей у проезжавших экипажей, на шляпах извозчиков, даже на ошейниках комнатных собачонок, сопровождавших своих хозяев. Балконы домов, выходящих на берег моря, украшенные гирляндами зелени, были переполнены публикой, пестреющей цветными зонтиками и цветами. Все окна были открыты, и в них виднелись головы публики и цветы. Продавцы и продавщицы цветов встречались на каждом шагу и предлагали свой товар.

– Надо и нам купить себе по розочке в петличку, а то мы словно обсевки в поле, – сказал Конурин и тотчас приобрел за полфранка три бутоньерки с розами, одну из коих поднес Глафире Семеновне.

Но вот и Promenade des Anglais, вот и места для зрителей, украшенные гирляндами зелени. Конурин и Ивановы предъявили свои билеты, сели на стулья и стали смотреть на дорогу, приготовленную для катающихся в экипажах и декорированную выстроившимися в ряд солдатами национальной гвардии со старыми пистонными ружьями у ноги, в медных касках с конскими гривами, ниспадающими на спину. По дороге сновали взад и вперед с корзинами цветов сотни смуглых оборванцев – мужчин, женщин и детей, которые громко предлагали свои товары и совали их в места для публики.

– Un franc la corbeille! Cent bouquets pour un franc! – раздавались их гортанные возгласы с сильным итальянским акцентом.

– Господи! Сколько цветов-то! – покачал головой Конурин. – Не будет ли уж и здесь какой-нибудь игры в цветы, вроде лошадок или поездов железной дороги? Наперед говорю – единого франка не поставлю.

– Что вы, Иван Кондратьич... Какая же может быть тут игра! – откликнулась Глафира Семеновна.

– И, матушка, здесь придумают! Здесь специалисты. Скажи мне в Петербурге, что можно проиграть триста французских четвертаков в детскую вертушку с лошадками и поездами – ни в жизнь не поверил бы, а вот они проиграны у меня.

Но вот раздался пушечный выстрел, и послышалась музыка. На дороге началась процессия праздника. Впереди шел оркестр музыки горных стрелков в синих мундирных пиджаках, в синих фуражках с широкими доньями без околышков и козырьков; далее несли разноцветные знамена, развевающиеся хоругви, проехала колесница, нагруженная и украшенная цветами от сбруи лошадей до колес, и, наконец, показались экипажи с катающимися, также нагруженные корзинами цветов. Некоторые из катающихся были в белых костюмах Пьеро, некоторые – одетые маркизами начала прошлого столетия, в напудренных париках. Попадались едущие женщины в белых, красных и черных домино и в полумасках. Лишь только показались экипажи, как на них посыпался целый град цветов. Из экипажей отвечали цветами же. Цветы носились в воздухе, падали в экипажи, на медные каски стоявших для парада солдат, на дорогу. Солдаты подхватывали их и в свою очередь швыряли в публику, сидевшую в местах и в катающихся. Цветы, упавшие на дорогу, мальчишки собирали в корзины и тут же снова продавали их желающим. Все оживилось, все закопошилось, все перекидывалось цветами. Происходила битва цветами.

Увлечлись общим оживлением Ивановы и Конурин и стали отбиваться попадающими в них цветами. Но вот в Конурина попал довольно объемистый букет и сшиб с него шляпу.

– Ах, гвоздь вам в глотку! Шляпу сшибать начали! Стой же, погоди! – воскликнул он, поднимая шляпу и нахлобучивая ее. – Погоди! Сам удружу! Надо купить цветов корзиночку, да каких-нибудь поздоровее, вроде метел. Эй, гарсон! Цветочник! Сюда! Или вот ты, чумакая гарсонша! – суетился он, подзывая к себе продавцов цветов. – Сколько за всю корзинку? На полфранка... Сыпь на полфранка... Давай и ты, мадам гарсонша, на полчетвертака. Твои цветы покамельстее будут.

И, купив себе цветов, Конурин с остервенением начал швырять ими в катающихся, стараясь попасть в лицо. Ивановы не отставали от него.

– Запаливай, Николай Иванович! Запаливай! Запаливай да прямо в морду! – кричал Конурин. – Вон англичанин с зеленой вуалью едет. Катай ему в нюхало. Это он, подлец, давеча шляпу с меня сшиб. Стой же... Я тебе теперь, английская образина, невестке на отместку!

И, выбрав увесистый букет из зимних левкоев с твердыми стеблями, Конурин швырнул им прямо в лицо англичанина с такой силой, что тот тотчас же схватился руками за нос.

– Ага! Почувствовал! А вот тебе и еще на закуску! Дошкуривай его, Николай Иванович, дошкуривай хорошенько! – продолжал кричать Конурин.

– Смотрите, Иван Кондратьич, ведь у англичанина- то кровь на лице. Ведь вы ему в кровь нос расшибли, – заметила Глафира Семеновна.

– Ништо ему! Так и следует. Поедет еще раз мимо, так я ему букетец вроде веника приготовил. Так окомелком в дыхало и залеплю, чтоб зубаревых детей во рту недосчитался. Батюшки! Смотрите! Моя вчерашняя мамзель в коляске! Ах, шкура! – воскликнул вдруг Конурин и швырнул в нее увесистым букетом полевых цветов, прибавив: – Получай сайки с квасом! Вчера пять франков на чай вымаклачила, а сегодня вот тебе куриную слепоту в ноздрю! Глафира Семеновна! Видите? Кажется, она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.